

Р 1

М 82

84Р!

МОСКВА

В РОДНОЙ ПОЭЗИИ

Epiphet

5

408

МОСКВА ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗИИ

P 1 V
M 82

84 P 1

Для любителей напечатаны особенные экземпляры этого изданія, въ большомъ форматѣ, именно:

100 экз. на слоновой бумагѣ, каждый

за номеромъ (арабскими цифрами) 3 р. экз.

6 экз. на ватманской бумагѣ, каждый

за номеромъ (римскими цифрами) 10 р. экз.

712083

nr. 892
91

ТИПОГРАФИЯ А. СУВОРИНА, ВЪТЛЕНСКОЕ ПЕР., Д. № 11—9

Центральная Городская
Публичная библиотека
им. Н. А. НЕКРАСОВА

ОТД. ИРЯВЕДЕНІЯ

МОСКВА
ВЪ
РОДНОЙ ПОЭЗИИ

СБОРНИКЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. И. ПОНОМАРЕВА

„Люби, люби Москву:
будешь веселѣе.“

Кереминскъ.

„Что матушки Москвы
и краше и милѣ!“

Ив. Дмитриевъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1880

Пьесы, вошедшія въ составъ сборника, расположены по однородности содержания и въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ. Редакторъ отклони́лъ отъ себя право выбирать и браковать: онъ составлялъ не букетъ, а сборникъ. Пусть высказывается чувство къ матери у всехъ ея дѣтей, въ какомъ сердце заговорило. Иное—можетъ быть, и лучше—не вошло, потому что нельзя было достать его.

МОСКВА И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ

Москва! какъ много въ
этомъ звукѣ
Для сердца русскаго сли-
лось!

Пушкинъ.

Фамусовъ.

А, батюшка, признайтесь
что едва
Гдѣ сыщется еще сто-
лица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго раз-
мѣра!

Грибоедовъ.

I.

ВЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВУ.

И вотъ ужь близко... Передъ ними
Ужь бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной,
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..

Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселъ, въ думу погружень,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ, вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стая галокъ на крестахъ.

1830

А. Пушкинъ.

II.

МОСКВА.

(отрывокъ).

Въ какомъ ты блескъ нынѣ зрима,
Княженій знаменитыхъ маты!
Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскасть?
Вѣнецъ твой перлами украшень;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ!

1823

Ив. Дмитриевъ.

III.

ВЪ МОСКВѢ.

(отрывокъ).

Я здѣсь! Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!
Здѣсь наша матушка-Россія
Семисотлѣтняя жива!
Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавръ и хмѣль народа,
Все, все!.. Да здравствуетъ Москва!

Какими думами украшенъ
Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
Бойницъ, соборовъ и палатъ!
Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть... Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ...
О, проклять будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины,

Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дѣло пѣснопѣній,
Поэты наши! Для стиховъ,
Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
Своенародныхъ вдохновеній.

1831

Н. Языковъ.

IV.

МОСКВА

(отрывокъ).

Среди́ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой, блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала:
Аркада длиннаго моста
Блѣла ярко. Чудень, пышень,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всѣми зданьями возвышень,
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царственно горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивой,
Кругомъ твердыни горделивой
Віяся, живо зеленѣлъ...

1831

Е. Баратыцкій.

V.

МОСКВА.

Влиско... Сердце встрепенулось;
Ближе... ближе... вотъ видна!
Вотъ открылась, развернулась,
Храмы блещутъ: вотъ она!
Хоть старушка, хоть сѣдая,
 А все пламенная,
Свѣтоварная, святая,
Златоглавая, родная,
 Бѣлокаменная!

Вотъ она!—Давно-ль изъ пепла?
А взгляните, какова!
Встала, выросла, окрѣпла—
И по прежнему жива;
И пожаромъ тѣмъ жестокимъ
Сладко память шевеля,
Вьется поясомъ широкимъ
Вкругъ высокаго Кремля;

И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ русской славы—
Кремль—и красенъ, и великъ;
И свѣтла, златовѣнчанна,
Колокольня Иоанна
Движетъ звучный свой языкъ,
Только съ бурей поборолась,
Глядь—опять въ лучахъ горить
И во весь свой мѣдный голосъ
Съ Божимъ небомъ говоритъ;
И кресты церквей далече,
Въ радость сердцу и очамъ,
Идутъ, въ золотѣ, навстрѣчу
Золотымъ небесъ лучамъ;
И за гранями твердыни,
За щитомъ крутой стѣны,
Живы таинства святыни
И святыня старины.

Городъ—досыта простору!
Городъ—есть на что взглянуть!
Городъ—подъ гору да въ гору!
Такъ и эдакъ повернуть!
Онъ не въ вытяжку, нестройно,
Но широко, но спокойно
На холмахъ по барски легъ,
Даль разгуль своимъ палатамъ

И рассыпался по скатамъ,
И раскинулся какъ могъ;
Старымъ навыкамъ послушный,
Онъ съ улыбкою радушной
Сквозь растворъ своихъ воротъ;
Всѣхъ въ объятія зоветъ.
Много прожилъ онъ на свѣтѣ,
Ломнитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привѣтѣ
На распашку Русь видна.

Русь... блестящій въ чинномъ строѣ,
Ей Петрополь голова;
Ты ей—сердце ретивое,
Православная Москва!
Хладный, стройный, многодумный,
Онъ, воспитанникъ Петра,
Полнъ заботою разумной
О стяжаніи добра;
Онъ—питомецъ полуночи—
Къ морю Финскому приникъ;
У него Россіи очи,
Слухъ, и дума, и языкъ.
А она, Москва родная,
Въ грудь Россіи залегла
И въ себѣ родного края
Типы жаркіе сплела,

И богата русской кровью,
И кипучею любовью
Къ славѣ царской горяча,
Исполиновъ коронуетъ,
И трезвонить, и ликуетъ,
Бьетъ по всѣмъ струнамъ съ плеча.
Но когда ей угрожаетъ
Силы вражеской напоръ,
Для себя сама слагаетъ
Славный жертвенный костеръ,
И враговъ завидя знамя,
Къ древней близкое стѣнѣ,
Повергается во пламя,
И красуется въ огнѣ,
И, какъ фениксъ, вылетая
Изъ трескучаго огня,
Снова блещетъ золотая,
Съ кликомъ: Русь! цѣлуй меня!

Вл. Бенедиктовъ.

VI.

МОСКВА.

(отрывокъ).

И ро, вотъ сверкая передъ ними
Дерквами яркими своими,
Москва раскинулась вдали.
Златой вѣнецъ ея свѣтился
Въ нарядѣ утреннихъ лучей;
Лихой ямщикъ остановился,
Снялъ шапку, осадилъ коней,
И трижды набожной рукою,
Любуясь старою Москвою,
Перекрестился передъ ней.

Москва! изобразить дерзну-ли
Тебя, любимицу мою?
И пѣсню бѣдную сложу-ли,
Мой славный городъ, въ честь твою?
Не новость для тебя привѣты,
Ты для поэзіи свята,

Кружилась въ пляскахъ огневыхъ,
При этихъ бѣшеныхъ забавахъ,
Быть можетъ думали и вы
О поведеніи и нравахъ
Негодной вѣтренной Москвы:
Она, степенная такая,
А съ наслажденіемъ глядить,
Какъ передъ ней полунагая
Цыганка смуглая дрожить,
Играетъ, ждетъ, стыда не видно,
Зоветъ, роскошна и дика...
Глядѣть на это очень стыдно,
А я глядѣлъ издалека.

1839

Эд. Туберъ

VII.

КЪ МОСКВѢ.

Въ Москву съ послѣдняго ночлега
Духъ Лихая тройка мчитъ меня;
Морозомъ скована земля;
По ней звуча катитъ телѣга.
Чего-то ждетъ душа моя...
Сквозь слезъ гляжу на древній градъ:
Вотъ онъ, свидѣтель величавый
И русскихъ бѣдъ, и русской славы,
И горестныхъ моихъ утратъ...
Моихъ утратъ! Лорывъ роптаній,
Умолкни здѣсь. Что значу я?..
Скрижаль родныхъ воспоминаній
И царства русскаго глава!
Былаго лѣтопись живая!
Золотоглавая Москва!
Москва! предѣль моихъ желаній!
Гдѣ я разцвѣлъ, гдѣ я увялъ,
Гдѣ наслаждался, гдѣ страдалъ,

И гдѣ найду конецъ страданій!
Опять, опять твой вѣчный шумъ,
И говоръ жизни, и движенье
Умчатъ души моей сомнѣнья
И развлекутъ мой праздный умъ!
Лойду задумчиво бродить
Между забытыми гробами,
Лойду о прошломъ говорить
Съ твоими ветхими стѣнами,
Пролью на память прежнихъ словъ
Двѣ-три слезы отъ всѣхъ украдкой,
И позабудусь долго, сладко,
Подъ звукъ твоихъ колоколовъ.

Ф.

VIII.

ВЪ МОСКВУ!

Въ Москву, въ Москву! Въ тотъ городъ
 столь знакомый,
 Гдѣ родилась, гдѣ выросла я;
 Откуда умъ, надеждою влекомый,
 Рвался впередъ, на встрѣчу бытія;
 Гдѣ я постичь, гдѣ я узнать старалась
 Земную жизнь; гдѣ съ собственной душой
 Свыкалась я; гдѣ сердце развивалось;
 Гдѣ слезы первыя пролиты были мной!

Въ Москву, въ Москву! Но глушь уединенья
 Найду я тамъ, гдѣ сиротство мое
 Взросло въ семьѣ большой... Но въ заустѣнне
 Превращено бывалое жильє...
 Но нѣтъ слѣдовъ минувшихъ отношеній...
 Года прошли,—родные и друзья
 Разстѣяны; ихъ разныхъ направленій
 Теперь не доищусь, не попытаюсь я!

Въ Москву, въ Москву!.. Душа при этомъ словѣ
Не задрожитъ, не вспыхнетъ, не замретъ;
И нѣтъ у ней привѣта на готовѣ
Для родины; и сердце не поетъ
Возврата пѣснь: я чту и уважаю
Нашъ древній Кремль и русской славы гуль,
Я старину люблю и понимаю,—
Но городъ безъ друзей мнѣ холодъ въ грудь
вдохнулъ.

Есть край другой... Туда мои желанья,
Мои мечты всегда устремлены...
Тамъ жизни блескъ и всѣ очарованья
Познала я... тамъ сердцемъ скрѣплены,
По выбору, всѣ узы дружбы сладкой,
Тамъ нѣсколько прожито свѣтлыхъ дней;
Тамъ счастье заманчивой загадкой
Мерещится вдали душѣ моей.

Теперь въ Москву! Могиламъ незабвеннымъ
Свой долгъ отдать, усопшихъ помянуть,

И о живыхъ, по заморьямъ отдаленнымъ
Разметанныхъ, подумать и вздохнуть!
И Богъ то вѣсть! Быть можетъ невзначайно
Судьба и тамъ порадуетъ меня,
И счастлива свершеньемъ думы тайной,
На родинѣ родное встрѣчу я,

1840

Графиня Е. Раствоѣцина.

IX.

ВИДЪ МОСКВЫ.

О какъ пуста, о, какъ мертва
Первопрестольная Москва!
Ее напрасно украшаютъ,
Ее напрасно наряжаютъ...
Огромныхъ ратей стройный видъ,
Фонтаны, выдумка Востока,
Вездѣ чугунъ, вездѣ гранитъ,
Сады, мосты, объемъ широкій
Несмѣтныхъ улицъ — все блеститъ
Изящной роскошью... все ново,
Все жизни ждетъ, для ней готово,
Но жизни нѣтъ!.. Она мертва,
Первопрестольная Москва!..
Съ домовъ боярскихъ гербъ старинный
Пропалъ, исчезъ... и съ каждымъ днемъ
Разсчетливымъ покупщикомъ,
Въ слѣпомъ невѣдѣннѣ, невинно,
Стираются слѣды вѣковъ,

Слѣды событій позабытыхъ,
Слѣды вельможей знаменитыхъ
Обычай, нравы, духъ отцовъ—
Все измѣнилось! Просвѣщенье
И подражанье новизнѣ
Ужъ водворили пресыщенье
На православной сторонѣ.
Гостепріимство, хлѣбосољство,
Накрытый столъ, и настѣжь дверь
Преданьемъ стали... и теперъ
Витійствуетъ многоглагољство
На скучныхъ сходбищахъ, взаимнѣ
Веселья русскаго. Все глухо,
Все тихо вдоль кремлевскихъ стѣнъ,
Въ церквахъ, соборахъ; и для слуха
Въ Москвѣ отрада лишь одна
Высокой прелести полна:
Одинъ глаголь всегда священный,
Наслѣдіе былыхъ временъ,
И какъ сердцамаъ понятень онъ,
Понятень думѣ умиленной!
То—вѣщій звукъ колоколовъ!
То гуль торжественно-чудесный,
Взлетающій до облаковъ,
Когда всѣ сорокъ сороковъ
Взываютъ къ благодисти небесной!..
Знакомый звонъ, любимый звонъ,

Москвы наслѣдіе святое,
Ты все бывшее, все родное
Напомнилъ мнѣ... Ты сопряженъ
На вѣкъ въ моемъ воспоминаньи
Съ годами дѣтства моего,
Съ рожденьемъ пламенныхъ мечтаній
Въ умѣ моемъ. Ты для него
Былъ первый вѣстникъ вдохновенья;
Ты въ томный трепеть, въ упоенье
Меня вседневно приводилъ;
Ты поэтическое чувство
Въ ребенкѣ чуткомъ пробудилъ;
Ты страсть къ гармоніи, къ искусству
Мнѣ въ душу пылкую вселилъ!
И нынѣ гостьей отчужденной
Когда въ Москву вернулась я,—
Ты вновь привѣтствуешь меня
Своею пѣснью священной
И лишь тобой еще жива
Осиротѣлая Москва!

1840

Графиня Е. Растопчина.

Х.

ГРАФИНЪ РАСТОПЧИНОЙ.

(По поводу двухъ предыдущихъ пьесъ)

Какъ сердцу вашему внушили
Къ родной Москвѣ такую спѣсь?
Ея жъ любимицей не вы ли
Такъ мирно разцвѣтали здѣсь?
Не васъ должна-бъ суетъ гордыня
Вести къ хулѣ своей страны;
Хоть петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Когда-бъ не въ старомъ градѣ этомъ
Впервой на свѣтъ взглянули вы,
Быть можетъ, не были-бъ поэтомъ
Теперь на берегахъ Невы.
Москвы была то благостыня,
Въ ней разыгрались ваши сны;
Хоть петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Ужель Москвы первопрестольной
Вамъ мертвъ и скученъ дивный видъ?
Предъ ней, хотъ памятью невольной,
Ужель вашъ взоръ не заблеститъ?
Ужель для сердца тамъ пустыня,
Гдѣ мчались дни его весны?
Хотъ петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

Иль вашихъ думъ не зажигаю,
Любви вамъ въ душу не вселяю,
Васъ прикрывала тѣнь родная
Семисотлѣтняго Кремля?
Здѣсь духа русскаго святыня,
Живая вѣра старины;
Здѣсь, петербургская графиня,
Вы москвитянкой рождены.

1841

К. Павлова.

XI.

МОСКВА.

Столица древняя, родная,
Ее-ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать—и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.
У ней—съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла—любовь народа—
Ей право первенства даютъ.
За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племень;
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла—
И съ нею Русская земля.
Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.

Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ,
Но, въ страхъ врагамъ, но въ радость крак,
Она, великая, сильна,—
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

К. Аксаковъ.

ХІІ.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашень,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башень
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты, какъ харгїя, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ деревья;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это матушка-Москва!

Кто, силачь, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,

И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Прощвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный. градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

1841

Фед. Тлинка.

ХІІІ.

МОСКВА.

День тихихъ грезъ, день сѣрый и печальный,
На небѣ тучъ ненастливая мгла,
И въ воздухѣ звонъ переливно-дальный,
Московскій звонъ во всѣ колокола.

И вызванный мечтою самовластной,
Припомнился нежданно въ этотъ часъ
Мнѣ часъ другой,—тогда былъ вечеръ ясной,
И на конѣ я по полямъ неслась.

Быстрѣй, быстрѣй! и у стремнины края
Остановивъ послушнаго коня,
Взглянула я въ просторъ долины: пылая,
Касалось ихъ уже свѣтило дня.

И городъ тамъ палатный и соборный,
Раскинувшись широко въ ширинѣ,
Блисталъ внизу, какъ-бы нерукотворный,
И что-то вдругъ проснулося во мнѣ.—

Москва! Москва! что въ звукѣ этомъ?
Какой отзывъ сердечный въ немъ?
Зачѣмъ такъ сроденъ онъ съ поэтомъ?
Такъ властенъ онъ надъ мужикомъ?

Зачѣмъ сдается, что предъ нами
Въ тебѣ вся Русь насъ ждетъ любя?
Зачѣмъ блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Твои дворцы стоятъ унылы,
Твой блескъ угасъ, твой гласъ утихъ,
И нѣтъ въ тебѣ ни свѣтской силы,
Ни громкихъ дѣлъ, ни благъ земныхъ.

Какія жъ тайныя понятя
Такъ въ сердцѣ русскомъ залегло,
Что простираются объятя,
Когда бѣлѣшь ты вдали?

Москва! въ день страха и печали
Храня священную любовь,
Не даромъ за тебя же дали
Мы нашу жизнь, мы нашу кровь.

Не даромъ въ битвѣ исполинской
Пришелъ народъ сложить главу,

И палъ въ равнинѣ Бородинской,
Сказавъ: „Помилуй, Богъ, Москву!“

Благое это было сѣмя.
Оно несетъ свой пышный цвѣтъ,
И сбережетъ младое племя
Отцовскій даръ, любви завѣтъ.

1844

К. Павлова.

XIV.

НАШИМЪ ПОРИЦАТЕЛЯМЪ.

Вы дивитесь, что мы славимъ
Нашу древнюю Москву,
Что высоко въ пѣсняхъ ставимъ
Царства русскаго главу!

Прежде насъ поэты жили,
Выше былъ ихъ пѣсенъ даръ:
Не Москвѣ ли посвятили
И они восторга жаръ?

Дайте городъ намъ преданій,
Дайте городъ намъ другой,
Гдѣ завѣтъ воспоминаній
Былъ бы голосъ вѣковой!

Духа русскаго твердыня,
Въ смутахъ, въ пламени жива,
Вѣры, древности святыня,
Гдѣ другая есть Москва?

1847

М. Дмитріевъ.

XV.

МОЛИТВА ИВЕРСКОЙ.

Источникъ отрады священной и чистой,
О жаркія слезы! Безъ звука, безъ словъ,
Я лиль ихъ предъ образомъ Дѣвы Пречистой,
Предъ образомъ древнимъ, что столько вѣковъ
Чудесно стоитъ у завѣтной твердыни,
И въ свѣтлыхъ лампадахъ не гаснетъ елей,
И съ вѣрой, съ молитвами, дивной святыни
Устами касаются роды людей.

И въ радости сердца, въ мечтѣ непонятной,
Я долго предъ образомъ древнимъ стоялъ,
И рдѣлъ милосердіемъ Лицъ Благодатной,
И трепетнымъ людямъ покровъ обѣщаль.

И внутреннимъ голосомъ несъ я моленья:
О дай, Непорочная, жизни святой,
Дай чистыхъ желаній, дай слезъ и терпѣнья,
И думъ изступленныхъ мятежь успокой!

К. Милькъевъ.

XVII.

МОСКВА и КРЕМЛЬ.

Вь глуши лѣсовъ непроходимой,
Гдѣ вѣчно слышался звѣрей бродячихъ
вой,
Пустынникъ жилъ, Букаль, надъ быстрою
рѣкой,
Хранимый дланью невидимой.
Простая хижина, молитвы малый домъ
И въ немъ креста изображенъе,
Сосновый, бѣдный тынъ кругомъ—
Вотъ было все тогда пустынное селенье!
Казалось, ктокъ нему проложитъ трудный путь?
Быть можетъ, сбившійся съ дороги,
Въ часъ грозныхъ бурь ночныхъ и общія
тревоги,
Зайдетъ туда одинъ прохожій отдохнуть!
Казалось, въ жертву лишь забвенья
Все здѣсь судьбой обречено:
И этотъ домъ молитвъ, и кровъ успокоенья,

Куда пустыннокомъ одно принесено
Въ грѣхахъ святое покаянье!
Казалось, все одной могилы достоянье,
Все вмѣстѣ съ старцемъ здѣсь умереть!
Замолкнетъ гласъ его, сокроется святыня—
И мрачная, опять безлюдная пустыня
Права свои назадъ возьметъ!

Смотрите: гдѣ же этотъ боръ?
Гдѣ эти топи и трясины?
Уже съ кремнистыя вершины
Сіяетъ къ вамъ грестомъ Спасителя Соборъ¹⁾,
И стѣны тянутся съ высокими зубцами!
За сими жъ грозными стѣнами
Вы видите Дарей священный, пышный домъ!
Вы слышите: шумятъ повсюду восклицанья,
Гремятъ оружія, несутся ликованья,
И жизнью все кипитъ кругомъ!
О, вѣрно добраго пустытника моленье
На этотъ брегъ крутой, гдѣ мрачный боръ
дремаль,
Отъ неба призвало покровъ, благословенье—
И градъ, обширный градъ, какъ исполинъ
возсталъ!
Отсюда, родину безцѣнную спасая,

¹⁾ Соборъ Спаса на бору, первая церковь въ Москвѣ.

Россійскому царю на греческихъ поляхъ
И въ дальнихъ Азіи странахъ—
И мощнаго вождя стократно увѣнчали!
Но какъ исчислить тѣ края,
Тѣ горы, доли и моря,
Гдѣ нашъ париль орель двуглавый—
Литомецъ брани, вѣстникъ славы?

Взойдемъ ли мы на ту вершину ближнихъ горъ,
Гдѣ стелются внизу зелеными коврами
Обширные луга, гдѣ свѣтлыми струями
Волнуется рѣка, и бросимъ быстрый взоръ
Отъ юга къ сѣверу—и что же предъ собою
Увидимъ мы тогда? Съ возвышенной главою,
Средь тысячи палатъ и храмовъ и домовъ,
Стсить чудесный Кремль, и блескъ его крестовъ
Лазурный свѣтъ небесъ лучами разсѣкаетъ—
И взоръ конца Москвы вдали не достигаетъ!
О, сколько подвиговъ, бореній, дѣлъ благихъ
Свершилось нѣкогда на сей землѣ священной.
И кровію сыновъ своихъ
И кровію враговъ средь битвы упоенной!
Не здѣсь ли доблестный Ложарскій нашъ
гремѣлъ
Перуномъ мщенія и казни?
Не здѣсь ли сей герой, безъ страха, безъ
боязни,

Въ сомкнутые ряды противниковъ летѣлъ?..
Тогда отчизны край, увы! былъ сиротою:
Въ немъ не было царя, но мощной онъ рукою
Довергнувъ пришлецовъ, его намъ указаль—
И миръ и тишину отчизнѣ дароваль!
И Кремль по прежнему съ утесистой вер-

шины

Взглянулъ съ веселіемъ на градъ и на рав-
нины!

Объ этотъ старый Кремль, какъ будто о скалу
Въ нашъ вѣкъ разбилася вся мочь Напо-
леона!

Съ побѣдныхъ колесницъ онъ здѣсь сошелъ
во мглу,

Какъ сходятъ въ мрачный гробъ съ возвы-
шеннаго трона.

И ты, казалось, погибла вмѣстѣ съ нимъ,
Москва, покрытая вокругъ опустошеньемъ!
Пожаръ все истребилъ, и къ алтарямъ свя-
тымъ

Дроникло мрачное безмолвье съ запустѣньемъ!
Но Даръ небесъ въ своихъ неизслѣдимъ
путяхъ!

Ты съ новой красотой и славою возстала!

Глава Кремля вновь засіяла

Въ златыхъ, блистающихъ лучахъ!

И вновь воздвиглися и храмы и чертоги!

Народомъ заперлись безлюдныя дороги,
И голосъ зашумѣлъ на торжищахъ твоихъ!
Теперь что съ красотой твоей, скажи, срав-
нится?

Въ гранитныхъ берегахъ рѣка твоя струится,
И тысячи садовъ раскинулись на нихъ!
Москва! Москва! о, родина святая
Великихъ, доблестныхъ мужей!
Красуйся, торжествуй, всегда благословляя
Удѣлъ своихъ счастливыхъ дней!

А. Волковъ.

XVIII.

КРЕМЛЬ.

За тучами чуть видима луна;
Бѣлѣетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщени
Безмолвны стогны, всюду тишина;
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремаль
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
И колоколъ гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлой.
Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ и страшень,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
Лежить повсюду мертвенный покой—
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ...

Ц⁹—66.

XIX.

КРЕМЛЬ.

Камни, священные камни Кремля! Вы, громады соборовъ!
Свѣтлыя, съ краснымъ крыльцомъ, съ теремами царевень чертоги!
Башни, красивыя башни въ узорѣ изъ каменныхъ кружевъ!
Стѣны, по коимъ могла бы съ конями пройти колесница!
Русь воедино связалъ вѣковой вашъ незыблемый поясъ!...

Гдѣ благовѣстный звонъ Руси, во дни ея ликованій,
Дарскихъ, народныхъ торжествъ, звончѣе кремлевскаго звона?
Гдѣ, въ дни былые, созывный набатъ на Руси былъ слышнѣе?

Чуть желѣзнымъ своимъ языкомъ и литыми
изъ мѣди устами
Нашъ Великій Иванъ взговорить—Русь ту
рѣчь разумѣть!

Сколько именъ, о Москва! и привѣтливыхъ,
и величавыхъ,
Дѣти тебѣ воздаютъ! и мало ли ласковыхъ
прозвищъ!

То бѣлокаменной, то златоглавой тебя вели-
чаютъ!

Видно, сроднились съ тобой, воспитавшей
ихъ горькую юность;

Видно, помнятъ, что много за нихъ ты, какъ
мать, страдала!

Разъ лишь твой Кремль задрожалъ, какъ
извергъ изъ себя чужеземца,

Двадцать народовъ съ собой приманившаго
на пиръ незваный!

Любишь гостей ты, Москва; но на нихъ ме-
довъ не достало!

Угостила по русски ты ихъ: истопила ты
баню,
Да пустила, попаривши, ихъ поваляться по
снѣгу!

1845

М. Дмитріевъ.

XX.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ.

Гостеприимная Москва,
Ты колыбель моихъ мечтаній,
Твой Кремль свидѣтель торжества.
Скрижалъ гранитная преданій!
Въ немъ стонетъ гулъ колоколовъ
Надъ царственной семьей гробовъ.
Люблю тебя! съ завѣтной думой
Бывало часто я бродилъ
Близъ поучительныхъ могиль...
Я помню памятникъ угрюмой—
И какъ забыть? Во гробъ томъ
Спитъ Іоаннъ могильнымъ сномъ.
Я тяжкой правдой вспоминая
Его миръ хладный нарушалъ,
И талисманомъ заклинанья
Изъ гроба призракъ поднималъ.
Москва, люблю твой Кремль смиренный!
Лодъ ѣдкой ржавчиной вѣковъ

Дока Россія не забудеть
Святой, полезной старины—
Бѣда тому, кто льва пробудитъ
Жезломъ погибельнымъ войны!
Его когтей сильна свирѣпость,
Какъ ровъ ихъ язва глубока:
Московскихъ стѣнъ ничтожна крѣпость,
Но грудь сыновъ Москвы крѣпка!...

Тришунцый.

Люблю и въ ту пору, когда благовѣстникъ
Молитвъ, иль народныхъ торжествъ провоз-
вѣстникъ,

Твой колоколъ грянетъ—и радостно ты
Внимаешь, какъ по небу звукъ его чистый,
Волнуясь, несется, протяжный, серебристый,
Далече съ твоей высоты!

Свои ты врата распахнулъ, какъ объятья.
Да общей семьи неизмѣнныя братья,
Что къ сердцу бѣгущая кровь,
Отсюду къ тебѣ приливаютъ: встрѣчаешь
Радужно ты всѣхъ—и на всѣхъ навѣваешь
Къ родимому краю любовь!

Туда притекайте искать врачеванья
Вы, хилыя жертвы недуговъ, страданья!
Лавъ ницъ предъ великой святыней Москвы,
Молитесь, о други!—и снова, какъ было,
Проявится свыше ей данная сила—
И здравы возстанете вы!

Въ Кремль, нищяя братья! Въ толпѣ раз-
нородной,
Нарядной, разсѣянной, будто холодной,
Есть люди, съ высокой добра теплотой:
Прости только руку во имя Христово—

И ты добредешь до убогаго крова
Уже не съ пустою сумой!

Туда, перенесшій земныя утраты
Иль тяжкіе сердцу обманы, спѣши:
Тамъ Вѣра, затепливъ свѣтильникъ отрады,
Проникнетъ въ тайникъ потрясенной души—
И ей, съ благодатью цѣлебной молитвы,
Дастъ силу мужаться средь жизненной битвы,
И ждать вождельнной тиши!

Въ Кремль собирайтесь, дѣтица Кліи!
Разгнувъ передъ вами скрижали Россіи,
Онъ выскажетъ строгую правду время—
И ваши писанья, ее отражая,
Дойдутъ до позднѣйшихъ потомковъ, блистая
И славою вашихъ именъ.

Поэты! идите искать вдохновеній,
Литанія думъ, сердцамъ наслажденій
Въ нашъ Кремль, Капитолій Москвы!
Основной отечества вашего камень,
Онъ мечетъ народной поэзіи пламень,
Да имъ согрѣваете вы!

Коснись же ты этого камня, о юный
Литомецъ искусства!—и вѣщія струны

Дадутъ восхитительный звукъ!
Сочувственно Русь упиваться имъ будетъ;
Его же, усвоивъ, уже не забудетъ
Ни сынъ вашъ достойный, ни внукъ!

Тогда чужеземцы съ своими пѣвцами,
Молвою влекомы, къ намъ придутъ толпами
Изъ всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ странъ—
И ихъ очаруетъ гармоніей дивной,
Глубокой, нежданной, далеко-отзывной,
Дней новыхъ счастливый Баянъ!

1845

И. Бороздца.

XXII.

КРЕМЛЬ ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаешь своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса, и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно-блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслаждений, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы

никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя, какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнные тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ

сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете въ Кремлѣ, потому что онъ при лунномъ свѣтѣ такъ прекрасенъ, что вы должны непременно это сдѣлать—хотя изъ любви къ прекрасному.

Мих. Загоскинъ.

XXIII.

ПАСХАЛЬНАЯ ПОЛНОЧЬ ВЪ КРЕМЛѢ.

1805 г.

Ты понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы провели съ страстной субботы на свѣтлое Воскресенье въ нашемъ Кремлѣ. „Воистинну сія препразднственная и спасительная ночь и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница“. Міѣ, кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. І. Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія. Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное Замоскворѣчье съ его храмами и высокими колокольнями горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія съ высотъ

Взлелѣяны и вѣры полны;
Кто въ благолѣпіи святого торжества
Зритъ и величіе, и славу Божества,
Кто со слезами умиленья
Предъ дивной правдой искупленья
Отъ дѣтскихъ лѣтъ благоговѣль—
И для кого огнемъ нетщетнымъ
Предъ знаменемъ новозавѣтнымъ—
Передъ Распятіемъ свѣтильникъ пламенѣль!

Душепитательною манной
Для вѣрныхъ читателей Христа,
Смиренно шедшихъ по пространной
Пустынѣ долгаго поста,
Обильно падали пророковъ предреченья;
Немолчно раздавались на ней
Благословеннаго Сіона пѣснопѣнья,
Отраднo услаждая слухъ людей—
И мнилось, что творцы тѣхъ пѣснопѣній сами,
Воспрянувъ изъ могилъ, коснулись перстами
Золотострунныхъ арфъ своихъ!
А вотъ и Дамаскинъ—святой преемникъ ихъ,
Учитель чистоты—духовная пѣвница,
Напѣвомъ ангельскимъ пасхальный гимнъ
поеть
И вѣры теплоту въ сердца и души льетъ:
Блистаютъ радостью всѣхъ вѣрующихъ лица,

Да дружно брата братъ обыметъ
Въ единомыслии святомъ,
Найдя прямое благо въ немъ,
На зло враждующему аду
И совратителямъ умовъ,
А сердцу чистому въ отраду
И въ назиданіе вѣковъ!

И. Бороздца.

XXV.

КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ.

Вь безмолвіи, подъ ризою ночью,
Москва ждала, и часъ святой насталь:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталь.
Лѣвучіе серебряные громы
Сказали вѣсть святого торжества,
И, слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,—
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смирятся-ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья

Для страждущихъ, для меньшей брати всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья,
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

1849

А. Хомяковъ.

XXVI.

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ.

Опять она, опять Москва!
Рѣдѣтъ зыбкій паръ тумана;
И засіяли — голова
И крестъ Великаго Ивана!
Вотъ онъ, огромный Бріарей,
Отважно спорящій съ громами,
Но другъ народа и царей,
Съ своими ста колоколами!
Его набатъ и тихій звонъ
Всегда пріятны патріоту;
Не въ первый разъ, спасая тронъ,
Онъ влекъ злодѣя къ эшафоту!
И васъ, Реншильдъ и Шлиппенбахъ,
Встрѣчалъ привѣтъ его громовой,
Когда, съ улыбкой на устахъ,
Влачились гордо вы въ цѣпяхъ
За колесницею Петровой!
Дѣла высокія славянь,

Прекрасный вѣкъ Семирамиды,
Герои Альповъ и Тавриды,
Онъ былъ вашъ вѣрный Оссіянь,
Звучнѣй, чѣмъ Игоревъ баянь!
И онъ, супругъ твой, Жозефина,
Желѣзный волей и рукой
На вѣковаго исполина
Взиралъ съ невольною тоской.
Москва подъ игомъ супостата,
И ночь, и бунтъ, и Кремль въ огнѣ—
Нерѣдко новаго Сармата
Смущали въ грустной тишинѣ.
Еще свободы ярой клики
Таила Русская земля;
Но грозенъ былъ Иванъ Великій
Среди безмолвнаго Кремля;
И Святослава мечъ кровавой
Сверкнулъ надъ буйной головой,
И избалованная славой,
Она склонилась величаво
Передъ торжественной судьбой!
Возстали царства; пламень брани
Подъ небомъ Африки угасъ,
И звучно, звучно съ плескомъ дланей
Слился Ивана шумный гласъ!...
Люблю его въ войнѣ и мирѣ,
Люблю въ обычной простотѣ,

И въ пышной пламенной порфирѣ,
Во всей волшебной красотѣ,
Когда во дни воспоминаній
Событій древнихъ и живыхъ,
Среди щитовъ, огней, блистаній
Горитъ онъ въ радугахъ цвѣтныхъ!
Томясь желаньемъ ненасытнымъ
Заняться важно суетой,
Люблю въ раздумьѣ любопытномъ
Взойти съ народною толпой
Подъ самый куполь золотой,
И видѣть съ жалостью оттуда,
Что эта гордая Москва,
Которой добрая молва
Всегда дарила имя чуда,
Леску и камней только груда.
Безъ словъ коварныхъ и пустыхъ
Могу прибавить я, что лица,
Которыхъ болѣе другихъ
Ласкаетъ матушка-столица
Оттуда видны безъ очковъ, —
Повѣрьте мнѣ, какъ вереница
Обыкновенныхъ каплуновъ.
А сколько мыслей, замѣчаній,
Философическихъ идей,
Филантропическихъ мечтаній
И романическихъ затѣй

Всегда на счетъ другихъ людей
На умъ приходитъ въ это время!
Какое сладостное бремя
Лежить на сердцѣ и душѣ!..
Одинъ крестьянинъ полудикой
Недаромъ молвилъ во слезахъ:
Великъ Господь на небесахъ,
Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій..
И такъ, хвала тебѣ, хвала,
Живи, цвѣти, Иванъ Кремлевскій,
И, утѣшая слухъ московскій,
Гуди во всѣ колокола!..

А. Полежаевъ.

XXVII.

„ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ“.

Въ кругу очертясь заповѣдно-твердынномъ,
На холмѣ великомъ, на холмѣ святомъ,
Царей православныхъ жилищѣ старинномъ,
Онъ сталъ и вознесся къ эфиру челомъ;
Въ эпоху тревогъ и печали народной,
Въ дни голода выросъ... недаромъ онъ тощъ
И вѣтъ съ чела его мглою холодной,
И въ немъ откликаются воля и мощь.

Горитъ и красуется сторожъ могучій,
Сокровище, взору, источникъ мечтамъ,
И волны молитвъ и громовыхъ созвучій
Отъ купола яркаго мчитъ къ небесамъ.
Онъ къ Богу взываетъ, какъ Вѣры посредникъ,
И смотритъ на міръ съ рубежа облаковъ,
И, дней безграничныхъ державный наслѣдникъ,
Смѣется полету голодныхъ вѣковъ.

Ж. Милышевъ.

XXIII.

КОЛОКОЛЬ ВЪ КРЕМЛѢ.

Въ короткій, мгновенный періодъ свиданья
Съ Москвой бѣлокаменной, духъ веселя,
Блуждалъ я и видѣлъ громадныя зданья,
Всю прелесть и древнюю пышность Кремля:
И поясъ могучихъ твердынь величавый,
И рядъ сокрушительныхъ, мѣткихъ бойницъ,
И храмовъ сіяющихъ жаркія главы,
И святость обильныхъ мощами гробницъ.

Плѣнительно сердцу, свѣжо и прекрасно,
При взглядѣ на эти знамена вѣковъ!
О, какъ повѣствуютъ они громогласно
Про славу и доблести пылкихъ отцовъ!
Какъ эти кресты своей жаркой игрою
Великихъ событій являютъ символъ!
И какъ отъ нихъ дышетъ святой стариною,
И сыплется рѣзко о прошломъ глаголь,

Но чаще всего я съ туманною думой,
Съ безвѣстною грустью невольнo смотрѣлъ
На образъ возвышенный доли угрюмой,
Столь часто достоинству данной въ удѣлъ.
Тамъ видѣть любилъ я, дивясь, великана,
Который безмолвно, во снѣ вѣковомъ,
Простертъ у священной подошвы Ивана,
На ложѣ гранитномъ, съ суровымъ челомъ.

Онъ нѣкогда въ тяжкомъ паденіи раненъ.
Въ темницѣ сырой погружался сто лѣтъ,
И, царственной массою чуденъ и страненъ,
Былъ вызванъ изъ мрака дивить бѣлый свѣтъ...
Съ глубокимъ клеймомъ роковаго паденья,
Въ позорище міру слѣпому открытъ,
Увѣнчанъ блестящимъ символомъ спасенья,
Крестомъ лучезарнымъ, онъ гордо стоитъ.

И люди приходятъ толпой къ великану,
Посудятъ про тяжесть и лѣта его,
Посмотрятъ на дивную, тяжкую рану,—
И въ сторону съ шумомъ идутъ отъ него.
Ихъ взоры, желанья, мечты—близоруки,
Одно любопытство къ нему ихъ ведетъ,
И имъ непонятны глубокіе звуки.
Которыхъ волну онъ таинственно льетъ....

Е. Милы́къ-свѣ.

XXIX.

ПОСЪЩАЯ МОСКОВСКУЮ ОРУЖЕЙНУЮ ПАЛАТУ.

„До нынѣ имемся во едино
сердце, и соблюдаемъ Русскую
землю“.
Несторъ. лѣт. 1034.

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и
вѣнцовъ;

Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу,
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историку мыслящій и страстный антикварій.
Владиміръ и Борисъ, Татары и Мстиславъ,—
Всѣ слѣды оставили въ таинственной палатѣ

Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ зо-
лотыхъ,

Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позла-
щенныхъ,

XXX.

ПЛОЩАДЬ У НИКОЛЬСКИХЪ ВОРОТЪ.

Есть у Кремлевскихъ Никольскихъ воротъ
трехсторонняя площадь:

Зданье сената съ одной стороны, а съ дру-
гой арсенала;

Съ третьей же—древнихъ сокровищъ и утва-
рей царскихъ палата.

Вотъ, иноземецъ, смотри и скажи, что у насъ
нераздѣльны

Ратный снарядъ, храмъ суда и величiе цар-
ской короны.

А глядите, какъ эти орлы, полетѣвши рядами,
Мѣдно-когтистыми лапами въ ржавыя пушки
впилися!

Чьи же всѣ были онѣ? — И не вспомнишь!
двадцать народовъ

Шли на Москву и на Русь: то все ихъ онѣ-
мѣвшіе громы!
Русь неолопамятна: пушки взяла, имена по-
забыла!

Вотъ и Никольская башня, гдѣ древній
святителя образъ
Вдѣланъ въ стѣнѣ, и горитъ день и ночь пе-
редъ лицомъ лампада.
Треснула въ взрывѣ Кремля и она въ двѣ-
надцатомъ годѣ;
Но святыня цѣла, уцѣлѣло стекло на кіотѣ,
Та же лампада на слабой цѣпи виситъ и донинѣ!..

М. Дмитріевъ.

XXXI.

КРЕМЛЕВСКІЙ САДЪ.

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнетъ гуль раскатный
И шумъ докучный городской,
Досугъ невинный и пріятный
Подъ сводомъ неба провождать;
Люблю задумчиво питать
Мои безпечныя мечтанья
Вкругъ стѣнъ кремлевскихъ вѣковыхъ,
Подъ тѣнью липокъ молодыхъ,
И пить весны очарованье
Въ ароматическихъ цвѣтахъ,
Въ красѣ аллей разнообразныхъ,
Въ блестящихъ зеленю кустахъ.
Тогда, краса лѣнивцевъ праздныхъ,
Одинъ, незанятый ниѣмъ,
Смотря и ничего не видя
И какъ султанъ на лавкѣ сядя,
Я созидаю свой эдемъ

Въ смѣшныхъ и странныхъ помышленьяхъ.
Мечтаю, грежу какъ во снѣ.
Гуляю въ выпреннихъ селеньяхъ,
На солнцѣ, небѣ и лунѣ;
Преображаюсь въ полубога,
Сужу рѣшительно и строго
Мірскія бредни, цѣлый міръ;
Дарю счастье милліонамъ...

И между тѣмъ, пока мой пиръ
Воздушный, легкій и духовный
Приемлетъ всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше Подмосковной,
Плывя, какъ лебедь, въ небесахъ,
Луна сребритъ сѣдья тучи;
Полночный вѣтеръ на кустахъ
Едва колышетъ листь зыбучій;
И въ тишинѣ вокругъ меня
Мелькаютъ тѣни проходящихъ,
Какъ тѣни пасмурнаго дня.
Какъ проблески огней блудящихъ.

А. Полужаевъ.

XXXII.

СУХАРЕВА БАШНЯ.

Была же смутная пора,
Какъ подъ ступенями престола
Противъ державнаго Петра
Шипѣли зависть и крамола;
Какъ, обольщенные сестрой
Царя, стрѣльцы ярились шумно,
Орудье гордости слѣпой,
Любоначальности безумной.
Но между ними полкъ одинъ,—
Хвала и честь—остался вѣренъ,
Какъ предъ отцомъ послушный сынъ,
Душой въ правахъ его увѣренъ.
Полковникъ Сухаревъ свой долгъ
Неколебимо и свободно
Хранилъ. Его былъ этотъ полкъ,
Презрѣвшій бунтомъ благородно.

И Петръ полковника любилъ,
Его заслуги награждая;
Когда же—ядъ роднаго края—
Тотъ страшный бунтъ угомонилъ,
Призвалъ Великій воеводу
И молвилъ въ благости своей:
„Хочу оставить я народу
Знакъ неподкупности твоей:
Гдѣ жилъ ты съ вѣрными стрѣльцами,
Построй тамъ башню, да про васъ
Она являетъ предъ вѣками
Живописующій разсказъ!“
Сказалъ,—и мощное желанье
Ретивый мужъ осуществилъ
И достопамятное зданье
Среди Москвы соорудилъ.
Колоссомъ крѣпости и славы
Воздвиглась башня передъ ней,
Какъ отголосокъ величавый
Заслугъ и мужества тѣхъ дней.

И эту башню—великану
Столицы—древнему Ивану
Молва невѣстой нарекла..
Да вмѣстѣ славою блистаютъ
И племенамъ они вѣщаютъ
Про незабвенныя дѣла.

Тѣхъ дней борьба, тѣхъ дней тревога
Давно ужъ спятъ на лонѣ Бога;
Но живъ Иванъ нашъ золотой
Съ своей невѣстой вѣковой!
Она таинственно и строго
На мѣръ глядитъ. Когда-то въ ней
Жилъ тотъ могучій чародѣй,
Который, по наукѣ странной,
Зналъ наизусть судьбу людей;
Читалъ онъ въ книгѣ звѣздъ туманной
И часто, въ полночи глухой.
Сидѣлъ одинъ, какъ демонъ, точно
Съ неразрѣшимымъ сатаной
Творя бесѣду полномочно ¹⁾.

И вотъ волшебница поитъ
Москву чудесными водами,
И влагу точитъ, и слезитъ,
И бьетъ жемчужными струями...

За нашей матушкой-Москвой,
На сѣверъ, есть одна дорога.
Нерѣдко, съ чистой вѣрой въ Бога,
По той дорогѣ столбовой
На поклоненье пѣшеходцы
Къ святому Сергію спѣшаютъ...

¹⁾ Говорится о Врюсѣ.

Тамъ есть Громовые колодцы —
Изъ камня брызжутъ и кипятъ.
Ихъ прежде не было. Тотъ камень,
Покрытый мохомъ весь, лежалъ
Безплодень, мертвъ. Но Божій пламень
Чудесно сонъ его прервалъ.
Изъ тучи огненной скатилась
Однажды яркая стрѣла
И въ камень дремлющій вонзилась.
И въ немъ источникъ добыла:
Изъ груди раненой тутъ дивно
Струя ударила. Съ тѣхъ поръ
Токъ искрометный непрерывно
Изъ плѣна рвется на просторъ.

Оттуда башня вѣковая
Влечетъ къ себѣ избытокъ водъ
И ихъ столицѣ раздаетъ,
Въ бассейны весело вливая..
Но въ часъ вечерній на мгновенье
Утихнетъ звонкое паденье,
И воды говоръ прекратятъ,
Какъ будто отдыха хотятъ;
И на нѣмые башни своды
Ловиснетъ будто тяжесть думъ..
Но мигъ прошелъ — и хлынуть воды,
И снова грохотъ, плескъ и шумъ!..

И, диво темнаго народа,
Стоить неизблемо она,
Такъ неразгаданно мрачна,
И не дерзнулъ ея қоснуться
Пожаръ двѣнадцатаго года!

Е. Мияльковъ.

XXXIII.

ПРЪСНЕНСКІЕ ПРУДЫ.

Только что на мостъ взойдешь, лишь мину-
ешь зеленяя липы,
Справа и слѣва пруды какъ волшебствомъ
откроются взору.
Ужъ не это ли сказочный міръ, гдѣ махни
лишь шириной,—
И разстелются вдругъ голубяя широкая воды,
А вдругорядь махнулъ,—перекинется мостъ
небывалый!

Кто развернулъ, разостлалъ ихъ широкую
водную скатерть?
Кѣмъ два огромныя зеркала чистой воды въ
золотыя
Вставлены рамы прибрежныхъ песковъ, чтобъ
въ стекло любовались
Скромная дѣва, младая луна и веселое
солнце,
И задумалась, кудри склонивъ, бѣлокурая
ветла.

Длинныя вѣтви висятъ шелковистой густой
бахромою;
Тѣнь, тишина, и прохлада воды, и прекрас-
ные виды;
Рѣдко кто мимо пройдетъ; размысленно про-
сторъ и свобода:
Зелень, лазурь, серебро, а вдали золотятся
на солнцѣ
Церкви, дома, колокольни, сады, сокращен-
ные далью.

Въ день лишь гулянья сюда многолюдный
сбирается городъ:
Шляпки всѣхъ модъ и цвѣтовъ по прибреж-
нымъ тѣсняются дорожкамъ;
Хоръ музыкантовъ гремитъ, и лодка плыветъ
расписная,
Вѣтеръ вздуваетъ наметъ и полощетъ пе-
стрѣющій флюгеръ,
И согласныя пѣсни гребцовъ по водѣ разда-
ются...

М. Дмитриевъ.

XXXIV.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

Обитель древняя, убѣжище святыни,
Какъ стало мнѣ легко въ стѣнахъ твоихъ!

Какъ живо чувствую я нынѣ
Всю суетность надеждъ и радостей земныхъ!
Съ разбитымъ сердцемъ я, съ взволнованной
душою,

Вступила въ стѣну твою, мятежныхъ думъ полна;
За грань житейскую, сюда я за собою
Оковы бренности и грудь тоски несла...

Но здѣсь меня отрада ожидала,
Здѣсь утѣшеніе спустилось свыше мнѣ,
Моленье теплое на время оторвало
Лечаль, таимую въ сердечной глубинѣ.

На ликъ святой небесной Дѣвы
Я въ умиленіи гляжу,
И съ чистой вѣрою твержу
Ей приносимые напѣвы.

Ея глубоко ясный взоръ
Мнѣ леть кручины злой забвенью;
Покой чела Ея—укоръ
Мнѣ за безумное волненье.

Свѣча горитъ передъ Святой,
И свѣтъ не яркій проливаетъ;
Но свѣтъ сей сердце озаряетъ,
И тушитъ въ немъ огонь земной.

Съ очей упалъ покровъ: тиинственная вѣч-
ность
Явилась предо мной, разительно страшна!
Житейской бури я постигла скоротечность,
Отъ ложныхъ призраковъ душа отвращена.

Обширнѣе, полнѣе мысли стали;
Все безконечное объемлю ими я;
Мечты мои горе полетъ пріяли,
Презрѣвъ ничтожность бытія!
Я чувствую покорное смиренье;
Я вѣрую, что благо Провидѣнье,
И нахожу въ обители святой
Давно желаемый покой!

Когда въ мірскомъ быту свой подвигъ ис-
пытаній
Вполнѣ я совершу, когда испью до дна

XXXV.

МОСКВА СЪ ВОРОБЬЕВЫХЪ ГОРЪ.

Какъ ты, мой другъ, я не скитался
Въ чужихъ далекихъ сторонахъ:
Все родина въ моихъ мечтахъ.
Однажды какъ-то я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далеко очутился
Одинъ на берегу крутомъ—
Тамъ, у родной Москвы ¹⁾. День знойный
Мнѣ снилось, ярко догоралъ,
И вечеръ пламенно-спокойный
Во всей красѣ своей блисталъ;
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обтекала;
Въ дали гористой подъ селомъ
Быль видѣнъ лѣсъ, желтели нивы,

¹⁾ Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ князя Юсупова, близъ Воробьевыхъ горъ.

А близъ Дербента ¹⁾ надъ прудомъ
Тѣнистыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами.
И монастырь бѣлѣлъ святой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
Отъ стѣнъ къ приманчивымъ струямъ
Долинка ясная пестрѣла;
Тутъ домикъ сельскій: въ липахъ тамъ
Часовня спрятаться хотѣла;
На всѣхъ сосѣдственныхъ холмахъ
Сады и дачи красовались
И въ яркихъ вечера огняхъ
Струей багряной освѣщались,
И зелень рощей и полянь
Сливалась съ твердью голубою;
И стлался золотой туманъ
Надъ бѣлокаменной Москвою.
Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
Подобный видъ тебѣ являлся...

Ив. Козловъ.

¹⁾ Садъ графини Лушкиной.

XXXVI.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ.

Где горят золотыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шума,
Не страшать пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ уборы
Лерелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я, въ полдень жаркій,
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвья текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,

И блисталь, какъ бы съ престола
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой, переводержавной,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдныя,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
„Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодь трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ лдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Лредо мной копье склонятъ,

И до-полюсныя воды
У моихъ восплещуть пять!
Мнѣ-ль ты царство устроила
Вѣнценосная Жена?
Для меня-ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство Руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ днесъ оно
Въ европейской діадемѣ
Какъ азійское зерно".

Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой,
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукою;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшень,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башень
Кралась пламени змѣя.

Ап. Майковъ.

То звукъ рожка, то пѣсни плясовой:
Я увлеченъ веселыми мечтами!
Ис, проходя кладбище подъ Филями,
Случалось мнѣ—внезапно я смущенъ,
Надъ свѣжею могилой слышу стонъ,—
И я, крестясь, задумаюсь уныло...
И пламеннѣй люблю, что сердцу мило...

Ис. Козловъ.

XXXVIII.

НОВИНСКОЕ.

Туть нашей повѣсти начало.
Недѣля Свѣтлая была
И подѣ Новинское звала
Гражданѣ московскихъ. Все бѣжало,
Все торопилось: старѣ и младѣ,
Жильцы лачугѣ, жильцы палатѣ,
Живою, смѣшанной толпою,
Туда, гдѣ, словно самѣ собою,
На краткій срокѣ, въ единый мигѣ,
Блестая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градѣ возникѣ:
Столица легкая бездѣля
И безчиновнаго веселья,
Досуга русскаго кумирѣ!
Тамѣ цѣлый день разгульный пирѣ!
Тамѣ раздаются звуки трубны,
Звенятѣ, гремятъ литавры, бубны;

Лаяцы съ зыбкихъ галлерей
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Тамъ клеперъ знаетъ четъ и нечетъ;
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ.
Гордясь лихими сѣдоками,
Тамъ одноколқи, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами
Качели крашенныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Каретъ блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.

Е. Баратыцкій.

XXXIX.

НОВИНСКОЕ.

Праздникъ идетъ чередомъ. Подъ Новинскимъ кипитъ ужъ гулянье!

Новый возникъ городокъ — азіатскій, красивый, цвѣтистый!

Музыка, скачка, паяцы, качели; все весело, шумно,

Живо, нарядно, пестро; вереница людей; между ними

Молча купцы и купчихи тянутся мимо, какъ тѣни.

Ну, а что же народъ, который назвалъ нашъ Державинъ

Бодрственнымъ росскимъ народомъ, хранящимъ отечески нравы?

Тоже, что былъ и при Несторѣ? — „Руси веселіе пити!“

7

Дравъ нашъ великій поэтъ; но нелживъ же
и инокъ правдивый:
Въ праздникъ нашъ бодрственный роскій
народъ—и лыка не вяжетъ!

М. Дмитріевъ.

Пустыни нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли наверхъ подняться снизу,
Безъ лѣстницъ, гость и господинъ,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столь различны блюда.

Изякли мраморны фонтаны,
Нептунувъ сухъ водопроводъ,
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ;
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ,
И зной полдня варить все варомъ.

Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола
Сзывалъ на край пруда матерый;
Волна ихъ сизая несла;
Нырнуть на пристань—усъ разложуть,
И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложуть.

Цари, царицы, посѣщая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ рая,
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По роцамъ разносили эхи.

Куда владыка твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей;
Его печали не касались
И всѣ затѣи удавались.

И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращая плачъ—
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!

Отъ восхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злато:
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!
Москва вотще твой прахъ блажила,
Лобзала, пѣла и кадила.

Ни ленты разнаго покрою,
Алмазны звѣзды съ жемчугомъ,
Ни груды денегъ за тобою
Не шли во слѣдъ въ твой новый домъ.
Урокъ данъ сильный небесами,
Чтобъ не плѣняться суетами,

Что время, лютый врагъ всего,
Простить не можетъ ничего.

Такъ въ свѣтѣ слава, честь, порода—
Все гибнетъ волею Творца!
Вѣтха становится природа,—
Мгновенье общаго конца
Во всеобъемлющемъ пожарѣ
Достигнетъ вещи всѣ и твари,

И само время, врагъ всего,
Съ руля свернется своего!

Кц. И. Доягорукой.

XLI.

ПОКЛОННАЯ ГОРА.

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три
дуба.

Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ
тѣми дубами,

Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и
готовилъ ужъ когти.

Быль-бы пирь; да спалило грозою могучія
крылья,

Лерья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ
ихъ снѣгомъ.

Тамъ, за Москвой, на Локлонной горѣ, зеле-
нѣли тѣ дубы.

Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю
легионовъ,

Наша предстала Москва съ золотыми своими
верхами;

Туть на могилахъ пьють чай (вѣдь у рус-
скихъ безъ чая
Нѣтъ и гулянья); развяжутъ салфетки, платки
съ пирогами,
Пищей себя подкрѣпять, помянувши родите-
лей прежде;
Вечеромъ идутъ въ Москву, нагулявшись и
свидѣвшись мирно
Съ тѣми, қоторымъ къ нимъ путь затво-
ренъ и придти ужъ не могутъ!

Добрый обычай! свиданье друзей и живыхъ
и усопшихъ!
Сладкія чувства любви, съединяющей даже
за гробомъ!
Мертвыя қости и прахъ, а надъ ними живая
природа,
И людей голоса, и живыя гуляющихъ лица!
Есть тутъ и қамни богатыхъ, но что-то во-
кругъ ихъ не людно!

Какъ хорошо тутъ лежать! — И свѣжо, и
покойно, и тихо,
И безпрестанно идутъ и живые, и мертвые
гости!
Душно въ стѣнахъ монастырскихъ, и мрачно,
и тѣсно!

Туть я хотѣлъ бы лежать, гдѣ простые и доб-
рые люди,—

Туть я хотѣлъ бы лежать, подѣ зеленой тра-
вой и подѣ тѣнью!

Мимо его я всегда проѣзжалъ, какъ съ дѣтьми
и съ женою

Въ Зыковѣ жилъ по лѣтамъ, гдѣ мнѣ было
спокойно и вольно,

Гдѣ посѣщали друзья насъ въ бѣдномъ сель-
скомъ пріютѣ.

Выростутъ дѣти, поѣдутъ по этой дорогѣ,—
и вспомнятъ...

Здѣсь я хотѣлъ бы лежать, и чтобъ здѣсь вы
меня посѣтили.

1845

М. Дмитриевъ.

XLIII.

ЭКСПРОМТЪ.

(Мытищи).

☉ тобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ;
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ кипучій
Люкатился... Лей, Москва!

1830

Н. Языковъ.

II

1812 ГОДЪ

И ДРУГІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ЭПОХИ.

Дылай, великая Москва!..
Благослови Москву, Россія!
Лушкинъ.

И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ московскій озарилъ.
Козловъ.

И за развалины Кремля
Парижу мада—спасенье!..
Жуковский.

Улицы узки у насъ: широка у
насъ лѣтопись улицъ;
Кривы онѣ а да и Москва и на
этихъ Руси прямила.
М. Дмитриевъ.

XLIV.

ОТРЫВОКЪ.

Товсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огонь, сквозь дымъ и мракъ ночной
Столпомъ огромнымъ прорѣзался,
И въ небесахъ, блестя челомъ,
Во всемъ величїи своемъ,
Великой жертвой любовался.

К. Рылѣевъ.

XLV.

РУССКІЙ СРЕДИ ПЫЛАЮЩЕЙ МОСКВЫ.

Гори, родная!—Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ. Гори со мною!
Пусть я избитый, изожженный,
Весь въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,
Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:
Тебя не дамъ на поруганье!

О, Кремль святой, святыя храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!
Разсыптесь надъ Москвой горою,
Родную скройте подъ собою!
Въ слезахъ, съ померкшими очами,
Стою съ молитвой я предъ вами:
Разсыптесь надъ Москвой-горою!
Лылай, родная!—Богъ съ тобою.

Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле...
Свирѣпствуй ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ; нѣтъ спасенья,
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ.... Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Тимофеев.

И ночи мракъ ихъ застаеть въ слезахъ.
А тамъ старикъ, прибрeдшій на клюкахъ
На хладный пеплъ роднаго пепелища,
Не узнаеть знакомаго жилища,
Гдѣ онъ мечталъ сномъ вѣчности заснуть,
Склонивъ главу на милой дочери грудь;
Теперь одинъ, онъ молитъ дланью нищей
Послѣдняго пріюта на кладбищѣ...
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ

картинъ,

Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,
Своей судьбы единый властелинъ,—
Летить теперь, отмщеньемъ вдохновенный,
Подъ знамена карающихъ дружинъ!
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,
И—роковымъ постигнутый ударомъ—
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:
„Москва! Я твой питомецъ съ юныхъ поръ,—
„И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!“
Я жду тебя, товарищъ милый мой,
И по мѣстамъ, унынью посвященнымъ,
Мы медленно пойдемъ рука съ рукой
Бродить, мечтамъ предавшись потаеннымъ...

1812

Кн. Вяземскій.

XLVII.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго қары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распуты видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ.
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ,
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.

И тамъ — гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣль кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой,
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать постушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей —
Среди могилъ моихъ друзей,

XLIV.

ОТРЫВОКЪ.

Мовсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огонь, сквозь дымъ и мракъ ночной
Столпомъ огромнымъ прорѣзался,
И въ небесахъ, блестя челомъ,
Во всемъ величїи своемъ,
Великой жертвой любовался.

К. Рылѣевъ.

XLV.

РУССКІЙ СРЕДИ ПЫЛАЮЩЕЙ МОСКВЫ.

Гори, родная!—Богъ съ тобою.

Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою

Тебя зажегъ. Гори со мною!

Пусть я избитый, изожженый,

Весъ въ ранахъ, въ струпьяхъ, изможденный,

Умру въ огнѣ, въ тоскѣ, въ страданьи:

Тебя не дамъ на поруганье!

О, Кремль святой, святыя храмы,
Свидѣтели побѣдъ и славы!

Разсыптесь надъ Москвой горою,

Родную скройте подъ собою!

Въ слезахъ, съ померкшими очами,

Стою съ молитвой я предъ вами:

Разсыптесь надъ Москвой-горою!

Пылай, родная!—Богъ съ тобою.

Враги въ Москвѣ; Москва въ неволѣ;
Прощай, мой домъ, родное поле...
Свирѣпствуй ангелъ разрушенья!
Россія гибнетъ; нѣтъ спасенья,
Пусть гибнетъ все! Своей рукою
Свой домъ зажегъ.... Гори со мною!
Москва пылаетъ за отчизну;
Кровавую готовьте тризну!

Гимофьевъ.

XLVI.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

И такъ, мой другъ, увидимся мы вновь
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой!
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье въ ней дни наши золотило.
Изъ дѣтства, другъ, для насъ была она
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,
Протекущихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена...
Но что теперъ твой встрѣтитъ мрачный взглядъ
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ
И цѣпь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.
Наукъ, забавъ и роскоши столица—
Издревле край любви и красоты—
Есть нынѣ край страданій, нищеты.
Здѣсь бѣдная скитается вдовица,
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;
Ихъ зреть въ слезахъ румяная денница,

И ночи мракъ ихъ застаеть въ слезахъ.
А тамъ старикъ, прибрeдшій на клюкахъ
На хладный пеплъ роднаго пепелища,
Не узнаеть знакомаго жилища,
Гдѣ онъ мечталъ сномъ вѣчности заснуть,
Склонивъ главу на милой дщери грудь;
Теперь одинъ, онъ молитъ дланю нищей
Послѣдняго приюта на кладбищѣ..
Счастливъ, мой другъ, кто мрачныхъ сихъ
картинъ,

Сихъ ужасовъ и бѣдствій удаленный
И строгихъ узъ семейныхъ отчужденный,
Своей судьбы единый властелинъ,—
Летить теперь, отмщенъемъ вдохновенный,
Подъ знамена карающихъ дружинъ!
Счастливъ, кто мечъ, отчизнѣ посвященный,
Подъялъ за прахъ родныхъ, за домъ царей,
За смерть въ бояхъ утраченныхъ друзей,
И—роковымъ постигнутый ударомъ—
Онъ скажетъ, свой смыкая мутный взоръ:
„Москва! я твой питомецъ съ юныхъ поръ,—
„И смерть моя—тебѣ послѣднимъ даромъ!“
Я жду тебя, товарищъ милый мой,
И по мѣстамъ, уныню посвященнымъ,
Мы медленно пойдемъ рука съ рукой
Бродить, мечтамъ предавшись потаеннымъ..

1812

Кн. Вяземскій.

XLVII.

КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ изданныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаянны рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ,
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могиль;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.

И тамъ — гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой,
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать постушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Дирцей —
Среди могилъ моихъ друзей,

Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны крайъ златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на поле чести
За древнѣй градъ моихъ отцовъ
Не понесу я, въ жертву мести,
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь ¹⁾,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ!

1812

К. Батюшковъ.

¹⁾ Генераль А. Н. Бахметевъ, при которомъ Батюшковъ служилъ адъютантомъ.

XLVIII.

ПѢСНЬ НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА.

(Отрывки).

Мы празднуемъ твою днесь мечь!
Москва! хвала тебѣ и честь!

Твои развалины священны,—
Онѣ гробницей бѣдъ вселенны.

Небесъ къ намъ грозныхъ приговоръ
Просиль отъ свѣта жертвы славной;
Безъ ропота и безъ укоръ
Склонилась ты славой державной.
Три дня объятая огнемъ,
Ты гнѣвъ ихъ ярый утолила;
Разящій отвратила громъ
И небо съ нами примирила.
Москва! твоихъ развалинъ видъ
Краснорѣчивѣй пирамидъ!
Онѣ и отдаленныхъ внучатъ
Геройскимъ подвигамъ научатъ...

Красуйся славою въ вѣкахъ,
Москва! спасительница міра!
Да будетъ въ вѣкъ въ твоихъ стѣнахъ
Обитель счастья и мира!
Да процвѣтутъ твои сыны
И дѣвы, прелестями вѣнчанны;
Да придетъ съ ужасовъ войны
Къ тебѣ скорѣй твой царь желанный!

Кн. Вяземскій.

Казня въ безумствѣ камень,
Губитель трепетной рукою
На нихъ свой бросилъ пламень.
„Не будь Кремля!“ изрекъ злодѣй..
Но Кремль стоитъ священный;
Вспылалъ лишь древній домъ царей,
Убийцей оскверненный.

Но ты, царя вѣнчавшій храмъ,
Рукою небесъ хранимый,
Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый!
И ты, царей минувшихъ прахъ,
Твой сонъ не возмутился,
Когда въ пожарѣ и громахъ
Духъ злобы разразился
Надъ тихой сѣнію твоей..
О, нашъ Сіонъ священный,
О, Кремль, свидѣтель славныхъ дней,
Красуйся, обновленный!

Съ хвалою первой къ Богу силь
Друзья, подыдемъ длани;
Онъ здѣсь въ Кремлѣ себя явилъ
Ужаснымъ Богомъ брани;
Онъ, въ заревахъ по небесамъ
Надъ рдѣющей Москвою

Промчавшись, сталъ въ лицо врагамъ
Карающей бѣдою;
Онъ въ дымъ Москвы себя облекъ
И знаменіемъ мести,
Какъ предъ Израилемъ, потекъ
Передъ полками чести.

И славою ему во слѣдъ
Шумѣли ихъ знамена;
При звучномъ кликѣ ихъ побѣдъ
Распались цѣпи плѣна;
На брань пошли рука съ рукою
Владыки и народы;
И грянулъ страшный божій бой
И гимнъ его свободы.
Греми-жъ торжественно въ Кремль
Днесь: Богу въ вышнихъ слава!
Живущимъ радость! миръ землѣ!
И Вѣчному держава!

1814 -

Жуковскій.

L.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безопасности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь, и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и
жизни...

Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Теперь развалины одни,
Москва! Сколь русскому твой зракъ унылый
страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей,

Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились ба-
шень,

Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,

Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,

Гдѣ миртъ благоухаль и липа трепетала,—

Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;

Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней ноши

Веселье шумное туда не полетитъ,

Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы
рощи—

Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи!

Возари на гибель пришлеца:

Отяготѣла днесъ на ихъ надменной выѣ

Десница мстящая Творца.

Взгляни: они бѣгутъ, озрѣтся не дерзаютъ

Ихъ кровь не престааетъ въ снѣгахъ рѣками
течь,

Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладь и смерть
срѣтаютъ,

А съ тыла гонитъ россовъ мечъ...

1815

А. Пушкинъ.

II.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ МОСКВѢ.

1812 г.

Гу! труба подребезжала...
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!

Пламень, въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ:
Златоглавая, святая,
Ты-ли гибнешь?.. Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,

Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости,—
Вамъ почетный былъ приѣмъ.
Упилися—еле живы—
Вы въ московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?!

1835

Н. Языковъ.

III.

КУПЛЕТЫ.

И для васъ, и для меня
Дорога Москва моя.
Въ ней душа страны родной,
Сердце всей Руси святой.
Изъ нея и духъ, и кровь,
Вѣра, вѣрность и любовь
Бьютъ ключемъ, огнемъ текутъ
Всюду жизнь и мысль несутъ..
Въ безпредѣльности степей,
На поверхности морей,
Русскій міръ, народъ честной—
Все живетъ родной Москвой!
Здравствуй, матушка Москва,
Бѣлокаменная!

Всѣ преданья въ ней полны
Громкой славой старины:
Кремль... Москва! Вѣдь здѣсь не разъ

Сокрушился о васъ
Тьмы и полчища враговъ;
И татарь и поляковъ,
И другихъ, еще сильнѣй,
Тѣхъ непрошенныхъ гостей
Примешь ты,—но ужъ потомъ .
Ихъ не выпустишь живьемъ!
Въ томъ свидѣтель роковой
Самъ пожаръ священный твой!
Здравствуй, матушка Москва,
Бѣлокаменная!

1856

Графиня Е. Раствопцица.

ЛШ.

УТРО ВЪ МОСКВѢ 17 АПРѢЛЯ 1818 г.

(изъ посланія къ великой княгинѣ Александрѣ
Бедодоровнѣ).

Забуду-ль мигъ на вѣки незабвенный?..
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный Твой часъ,—
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ.
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны, надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать, лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ—младой зари краса,
Всходящая, какъ новая надежда;
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы;
Безчисленны церквей ея главы,
Какъ алтари зажженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекушимъ мимо рокомъ

LIV.

МОСКВА ПРИ Д. В. ГОЛИЦЫНѢ, 1844 г.

(ОТРЫВОКЪ).

Здравствуй, градъ перводержавной!
 Здравствуй, матушка-Москва,
 Нашей Руси православной
 Золотая голова!
 Нодъ тобой сходились тучи,
 Смерть держала насъ въ плѣну,
 Но Богъ русскій, Богъ могучій
 За тебя, какъ въ старину.

На тебя то нехристь грубый,
 То чума, то вдругъ французъ,
 То холера скалитъ зубы:
 Видно, лакомый ты кусъ!
 Чтожъ, заѣли? Нѣтъ, грибъ съѣли!
 И, подъ стать Еропкину,
 Вновь хранителя мы зрѣли,
 Какъ въ святую старину.

Помнимъ мы его породу:
Онъ старинныхъ предковъ кровь!
Въ немъ къ престолу и къ народу
Лышетъ русская любовь;
Подъ благимъ его покровомъ
Мы вкушаемъ тишину,
И Москва во блескъ новомъ
И пынѣй, чѣмъ въ старину.

1830

Кн. Вяземскій.

LV.

МОСКВА.

(28 МАРТА 1848 Г., ВЪ ДЕНЬ ЕЯ СЕМИСОТЛѢТІЯ).

Процвѣтай, царей столица,
Матерь русскихъ городовъ,
Слова русскаго царица
И уставщица умовъ!

Есть ли градъ съ тобою равный?
Есть одинъ, и старъ и сѣдъ:
То нашъ Кіевъ православный,
Гдѣ возникъ намъ вѣры свѣтъ!

Старецъ, нѣкогда могучій,
На горахъ своихъ княжилъ,
Днѣпръ лады его летучи
До чужихъ морей носилъ;

Но и онъ главою державной
Поклонился, уступилъ

Многохрамной, православной
Собирательницѣ силъ!

Сохранивъ одну святыню
И сложивъ вѣнецъ князей,
Онъ призналъ въ ней господыню
Надъ сѣдиною своей!

И любитъся онъ славой,
Возсѣдающей на холмахъ,
Величавой, златоглавой,
Въ многихъ царственныхъ вѣнцахъ!

Тамъ, гдѣ боръ дремучій, дикій,
Лѣсъ отшельника внималъ,
Бѣлокаменный, великій,
Выросъ Кремль и засіялъ!

И рядилася младая
Величавая Москва,
Стѣны, башни убирая .
Дивныхъ зодчествъ въ кружева!

И стекались, рать за ратью,
Многихъ княжествъ знамена,
И своею благодатью
Осѣняла ихъ она!

Соберитесь, Руси дѣти,
Поздороваться съ Москвой.

Многи вѣки ей державной!
Будь богата и славна!
И поклонъ ей православной:
Имянинница она!

1847

М. Дмитриева.

LVI.

МОСКВѢ.

(ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА).

Давно цари Россіи новой,
Оставивъ стольный градъ Москвы,
Въ равнинахъ Ингрии суровой
Разбили лагерь у Невы;
Но духомъ ты, Москва, не пала
И, древнею блестя красой,
Ты никогда не перестала
Быть царства нашего душой.
Твой духъ въ одно его скрѣпляетъ;
Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.
Но ту любовь, съ которой дикою
Лустыню любить, — ты слила
Съ огнемъ науки, и великою
О Руси мыслью облекла.
Связавъ минувшее съ грядущимъ,

Забвенье съ предковъ ты сняла,
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди;
Что въ долѣ темной или громкой
Полезень родинѣ мой трудъ,
И что дѣла мои — потомки
Благословятъ иль проклянутъ...
Москва! въ слезахъ подьемлю руки
Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
Въ день драгоцѣнный для науки,
Въ день присно-славный для тебя!
О, пусть кричатъ трибуны злые —
Мы вѣримъ сердцу своему —
Жива Москва — сильна Россія,
И Божій свѣтъ разсѣетъ тьму!

А. Майковъ.

Всѣ Гостя ждуть. Москва несетъ заздравный
хлѣбъ,

Почеть и радость угощенья;
Къ народу Гость грядеть, посланникъ Про-
видѣнья,
Живой сосудъ его судьбъ.

И вотъ Онъ, Гость родной, желанный, не-
наглядный!

Къ Нему всѣ очи, души всѣ!
И кротости Его привѣтъ, сердцамъ отрадный
Сіяетъ въ царственной красѣ.

Извонъ колоколовъ, звучащій звучной мѣдью,
И радостный сей кликъ, потрясшій всѣ сердца,
Все въ честь Ему, и все призывъ Ему къ
наслѣдью

Лорфиры, скиптра и вѣнца.

И сѣдовласый Кремль—о, чудная картина!—

Лоникнувъ предъ своимъ Царемъ,
Въ Немъ сына своего, возлюбленнаго сына,
Цѣлуетъ, радуясь о Немъ...

Кн. Вяземскій.

LVIII.

КУПЛЕТЫ.

Зовъ любви и книгъ науки
Къ намъ на радость привели,
Словно послѣ злой разлуки,
Братевъ кровной намъ земли,
И, услышавъ наши рѣчи,
Сердцу звонкія слова,
Однородичамъ при встрѣчѣ
Поклонилася Москва.

Поклонилась и сказала:
Добрый день и въ добрый часъ!
Мы васъ ждемъ уже не мало,
Вы давно ужъ ждете насъ.
Наконецъ вы издалеча
Къ намъ пришли для торжества,
И славянское здѣсь вѣче
Нынѣ празднуетъ Москва.

Праздникъ мира, праздникъ дружбы,
Отблескъ новыхъ, лучшихъ дней!
Отчего же, почему жъ бы
Не сдружиться намъ плотнѣй,
• Передавъ изъ рода въ роды
Несмолкающей молвѣ,
Какъ славянскіе народы
Вновь сроднились на Москвѣ.

Если нашего семейства
Непокорные сыны
Разжигали до злодѣйства
Пламя внутренней войны,—
Укротивши ихъ зазорность,
Кто жъ изъ насъ сказать не радъ:
Да погибнетъ непокорность,
Но да здравствуетъ нашъ братъ!

Русскимъ не страшна крамола,
Тѣ же мы, какъ были встарь,
Съ благодатнаго престола
Только слово молви, царь...
И за чувства дорогія,
За священныя права,
Встанетъ юная Россія,
Встанетъ старая Москва.

Но не боемъ и не кровью
Намъ единство суждено,
А всеильною любовью,
А стоянемъ за-одно,
Пусть же то пойметъ отнынѣ
Вся славянская земля,
Въ бѣлокаменной святынѣ,
У Московскаго Кремля.

Гр. Солягоубъ.

III

МОСКОВСКІЙ БЫТЪ

Какъ у насъ было на святой
Руси!

Какъ у насъ было въ камен-
ной Москвѣ!

Народная пѣсня.

Хлѣба-соли покушать,
Краснаго звону послушать.

Народная пословица.

LIX.

КЪ ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя Свободы.
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды,
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на-яву,
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ—жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, въ шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,

И даже прозой и стихами.
Ты тамъ—на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное Бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И Глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной Знатности похмѣлье,
И Скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукою,
Но вскорѣ—вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни дорогой,
Держась моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя.
Кипить въ бокалѣ опѣненномъ
А и холодная струя,
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ
Въ халатахъ новые друзья
Шумять и пьютъ!—Задорный кубокъ
Обходить ихъ безумный кругъ,
И мчится радостный Досугъ.
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, выются предъ тобой.

Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой;
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей. —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья...
Но вспомни, милый! здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая,
Весь день уныла и томна;
Въ своей задумчивости сладкой
Томится, плачетъ подь окномъ
Отъ грубыхъ Аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вақхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро-ль оживится?—
Когда прискачешь, милый другъ,
Душа во слѣдъ тебѣ стремится!

LX.

МОСКОВСКІЕ ОБЪДЫ.

Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольный,
Не золоченыя главы,
Не гуль потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы-молвы
Мой умъ плѣнили своевольной
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосољство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды;
Вполнѣ уваженъ хлѣбосоль;
Вполнѣ торжественны обѣды;
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.
Ужъ онъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ
И беззаботными гостями

Съ благоговѣннемъ окружень.
Еще не сѣли; все въ молчаньи:
И каждый гость вблизи стола
Съ веселой ясностью чела
Стоитъ въ роскошномъ ожиданьи,
И сквозь прозрачный, легкій паръ
Сіяютъ лакомыя блюда,
Златыхъ плодовъ, десерта груды...
Зачѣмъ удѣлъ мой слабый даръ!
Но такъ весной ряды кургановъ
При пробужденныхъ небесахъ
Сіяютъ въ пурпурныхъ лучахъ
Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ.
Садятся гости. Графъ и князь,
Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удалы
И осушаютъ не лѣнясь
Свои широкіе бокалы:
Они веселье въ сердце льютъ,
Они смягчаютъ злые толки;
Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи вадорны, но не қолки.
И начались чудеса:
Смѣшались быстро голоса;
Собранье глухо зашумѣло;
Своихъ собакъ, своихъ друзей,
Лѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло.
Вино разнѣжило гостей

И даже умъ ихъ разогрѣло.
Тутъ все торжественно встаетъ,
И каждый гость, какъ мужъ толковой,
Узнать въ гостиную идетъ,
Чему смѣялся онъ въ столовой.

1821

Л. Баратынскій.

ІХІ.

МОСКВА.

Москва! Москва! Локидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли переменить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

FUIT ТРОЈА, FUIMUS ТРОЈАНИ. Нѣкогда соперничество между Москвою и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольтву. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изъ всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Флестящая гвардейская молодежь налетала туда же изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древ-

ней столицы гремѣла музыка, и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою: улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ ¹⁾), вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніяхъ ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину рощу въ каретѣ изъ кованнаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ челоуѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ—и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налапали и на нарядъ неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался

¹⁾ Авторъ, конечно, разумѣеть стихотвореніе кн. Долгорукаго „Лирь“, см. Сочиненія кн. И. М. Долгорукаго. Спб. 1879, т. II, стр. 382—391.

въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?—Все исчезло. Остались одни невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ при мѣнить грубую пословицу: *vieilles comme les rues*. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально, между широкимъ дворомъ, заросшимъ травой—и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяць за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанять мадамой для пансіона—и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицімейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плоскіи и цвѣтные фонари не освѣщаютъ англійскихъ

дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя, въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможъ, удалившагося отъ двора,—но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобратъ навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы!... Увы, посмотрите на эти домашнія, прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ—и что за кавалеры! Горе отъ ума есть уже картина обветшала, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который „всякому, ты знаешь, радъ“: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому;—ни Татьяны Юрьевны, которая балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздничи

на дачѣ“. Хлыстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивление суевѣрія и предрасудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно,—и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей могучей и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодого Петра II снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое — обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

LXII.

ТОСТЬ ЗА МОСКВУ.

Москва! священный кликъ! Москва!
Въ тебѣ и жизнь, и духъ Россіи,—
Страданья наши, торжество—
Всѣ исполинскія стихіи!
Ты русскій градъ! народный градъ!
За здравіе твое святое
Бокалы радостно кипятъ,
Сердца кипятъ и бьются вдвое!

нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій заливъ. Есть ему куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко, или пушокъ, ту-жъ минуту его прочь. Москва — старая домосѣдка, печеть блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ кресель, о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ. Петербургъ—разбитной малый, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится—отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинается печь французскіе хлѣбы, которые на-завтра всѣ съѣсть разноплеменный народъ, и во всю ночь то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, и на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужскаго. Въ Москвѣ все невѣсты, въ Петербургѣ все женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды; за то Москва гребуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія

длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе, если отвороты фрака велики, то у ней—какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человекъ, совершенный нѣмецъ: на все глядитъ съ расчетомъ, и прежде нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ середины. Въ Петербургѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; московскіе рѣдко прилагаютъ картинки; если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшей можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч. и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шубу и большею частью на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ

сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу, или „въ должность“. Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до 4-хъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бываль, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и развѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ қибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на мелкаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины, и ловитъ мелкихъ покупателей. Москва говоритъ: „коли нужно покупщику, сыщеть“; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ „Ренскимъ погребомъ“ и ставитъ извозчичью биржу въ самыя двери вашего до-

ма. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостинный дворъ; Петербургъ — свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кохнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, — даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадетсѣ въ самой серединѣ модной толпы какая нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказать бы еще кое-что, но — „дистанція огромнаго размѣра“!...

Н. Тоголь.

LXIV.

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ.

Какъ не быть различіямъ между Москвой и Петербургомъ? Разное происхожденіе, разное воспитаніе, разное значеніе, разное прохожденіе службы... Петербургъ родился въ 1703 г. послѣ Р. X. Конечно, человѣкъ такого возраста былъ бы очень не молодъ, ну а городъ 144 лѣтъ просто JEUNE PREMIER. Москва скоро перейдетъ восьмую сотню, она такъ стара что лѣта свои (какъ геологическіе перевороты) вела отъ сотворенія міра, что было очень давно. Москва цвѣла отъ татаръ до Кошихинскаго времени. Петръ I опустилъ паруса ея, видя, что по этому прекрасному пути далѣе идти некуда; Петербургу Петръ I поднялъ паруса, и онъ идетъ впередъ до нынѣшняго дня. Москва лѣтъ пятьсотъ къ ряду отстраивалась—и все ничего не вышло, кромѣ Кремля, а если что вышло, то послѣ французовъ; Пе-

Петербургъ выстроился лѣтъ въ пятьдесятъ съ громадною, о которой Москвѣ не снилось. Москва почти вся сгорѣла въ 1812 году; Петербургъ чуть не утонулъ въ 1824 году. Совершенно разный характеръ: въ Петербургѣ русское начало перерабатывается въ европейское, въ Москвѣ—европейское начало—въ русское... Но несмотря на это различіе, они не ссорятся; антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ—чистѣйшій вымыселъ; его нѣтъ: это болѣзнь нѣсколькихъ воображеній, фактъ исключительный. Я самъ видалъ людей, которые думаютъ, что всякое доброе слово о Петербургѣ—оскорбленіе Москвѣ. Они думаютъ, если вы похвалите калачъ московскій—это значитъ, что нибудь сказать про нихъ; молвишь, что то-то не очень хорошо на Невскомъ, а тебя тотчасъ обвиняютъ, что ты находишь все прекраснымъ въ Москвѣ. Это напоминаетъ ту милую и наивную эпоху критики, когда доброе слово о Шиллерѣ сопровождалось проклятіями Гете, и наоборотъ. Гете, возмущенный однажды глубоко-мыслиемъ подобныхъ сужденій, скромно замѣтилъ Эккерману: „Вмѣсто того, чтобъ благодарить судьбу за то, что она дала имъ насъ обоихъ, они хотятъ непременно пожертвовать одного другому“. Что за необходимость

порицать Москву? Будто нѣтъ тамъ и тутъ хорошаго, не говоря уже о дурномъ? Будто грудь человѣка такъ узка, что она не можетъ съ восторгомъ остановиться передъ удивительно панорамой Замоскворѣчья, стелящагося у ногъ Кремля, если она когда нибудь высокою поднималась, глядя на Неву, съ ея гранитными берегами, съ дворцами, стоящими надъ водами ея?

Къ тому же, если съ точки зрѣнія различій легко указать рѣзкія противоположности, то не надобно забывать, что много Москвы въ Петербургѣ, и что много Петербурга въ Москвѣ. Петербургъ не оставилъ Москвы въ покоѣ послѣднія сто лѣтъ; у нея, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ зданій, кромѣ историческихъ воспоминаній, ничего не осталось прежняго. Съ своей стороны, Москва и окольныя ея губерніи, переѣзжая въ Петербургъ, привезли съ собою самихъ себя, и отчего же имъ было вдругъ утратить свою особенность? Странная была бы національность наша, если бы достаточно было проѣхать семьсотъ верстъ, чтобъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ—иностраницемъ. Конечно, весь образъ современной жизни, всѣ удобства цивилизаціи, и великій Московскій уни-

верситетъ, и знаменитый Англійскій клубъ, Дворянское собраніе, и Тверской бульваръ, и Кузнецкій мостъ—все это принадлежитъ не Кошихинскимъ временамъ, а вліянію петербургской эпохи. „Можетъ быть, Москва безъ петербургскаго вліянія развилась бы еще лучше“. Можетъ быть... такъ какъ не только можетъ быть, но весьма вѣроятно, еслибы царь Иванъ Васильевичъ вмѣсто Казани взялъ Лиссабонъ, то въ Португаліи было бы теперь что нибудь другое; только это ни къ чему не ведетъ. Не то важно въ исторіи, чего не было, а то, что было. А было то, что въ послѣдній вѣкъ Москва состояла подъ вліяніемъ Петербурга и сама многое доставляла ему; онъ вызвалъ наружу ея сильную производительность; непрерывный обмѣнъ, непрерывное сношеніе поддерживали живую связь обоихъ городовъ. Въ иныхъ случаяхъ перевезенное совершенно усвоивалось, въ другихъ особенности еще сильнѣе развились на иной почвѣ,—такъ что можно изучать Петербургъ въ Москвѣ и Москву въ Петербургѣ.

Отъ Петра I до Наполеона Москва жила тихо, незамѣтно; на Петербургъ она не косилась, особенно послѣ первыхъ непріятно-

горѣлыми домами; она вошла въ моду съ своими улицами, на которыхъ стояли одни черныя трубы, одни задымленныя стѣны. Эта горестная година миновала Петербургъ; князь Витгенштейнъ не пустилъ къ нему непріятеля; спокойствіе его не было возмущено ни на одинъ день. Все это прекрасно, все это слава Богу, но не имѣетъ интереса, люди всего болѣе интересуются несчастіями. Разсказы о Москвѣ носились по всему свѣту. Нѣтъ человѣка не только въ Калифорніи и Полинезій, но въ южной Италіи, гдѣ ничего не знаютъ, который бы не слыхалъ о томъ, какъ дивно, какъ громадно, какъ удивительно, какъ быстро обстроилась Москва. Конечно можно сказать, слухи эти не безъ увеличенія, не то, чтобъ въ самомъ дѣлѣ обстройка эта была такъ сказочно хороша, дома обклеены колоннами, фронтонами съ страшными претензіями, каждый стоитъ на свой салтыкъ, огороженный какимъ-то уродливымъ заборомъ. И что же Москва была прежде, если была гораздо хуже?—это тайна, которую она запечатлѣла великимъ пожаромъ. Оставимъ ее подъ историческими углами.

Послѣ 1812 года уваженіе къ Москвѣ было

безусловно: вся Русь, весь Петербургъ брали въ ней живѣйшее участіе; костеръ, зажженный собственными руками, поразилъ своей героической рѣшительностью всѣ уцѣлѣвшіе города. Войска возвращались, осыпанные крестами и медалями, офицеры летѣли въ Москву отдохнуть съ родными вспомнить семейную жизнь, которая также хороша послѣ лагеря, какъ лагерь хорошъ послѣ семейной жизни; нигдѣ не было и тѣни соперничества, вражды, никто не предполагалъ, не предвидѣлъ, что въ это время торжество и мира зарождалось въ тиши та высокая и мощная теорія, которой назначено было явиться грознымъ маякомъ. Шагъ, сдѣланный ею для нашего развитія, необъятенъ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ передъ нею весь рядъ побѣдъ 1812 и 13 годовъ, переходъ по Европѣ, русскіе гвардейцы на бивакахъ передъ Тюльерійскимъ дворцомъ? Кѣмъ сдѣланы эти побѣды? Людьми, любившими европейское образованіе, любившими Парижъ и французовъ, любившими говорить по французски, — людьми, которые чрезвычайно удивились бы, услышавъ о томъ, что истинный русскій долженъ ненавидѣть нѣмца, презирать француза, что патриотизмъ состоитъ не столько изъ любви

Москва все шло медленно — въ Петербургъ все шло черезъ пень въ колоду; оттого житель Петербурга привыкъ къ дѣятельности: онъ хлопочетъ, онъ домогается, ему некогда, онъ занятъ, онъ разсѣянъ, онъ озабоченъ, онъ опоздалъ, ему пора!... Житель Москвы привыкъ къ бездѣйствию: ему досужно, онъ еще погодить, ему еще хочется спать, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнiя вѣчности; сегодня не поспѣетъ, завтра будетъ, а и завтра не послѣднiй день.— Москвичъ только живетъ и на силу можетъ отдохнуть послѣ обѣда, петербуржецъ и не живетъ за суетой суетствiй, и такъ мало обѣдаетъ, что даже ночью не стоитъ отдыхать. У петербуржца цѣли часто ограниченныя, не всегда безусловно чистыя; но онъ ихъ достигаетъ, онъ всѣ силы свои устремляетъ къ одной цѣли: это чрезвычайно воспитываетъ способность труда, гибкость ума, настойчивость; москвичъ — почти всегда преблагороднѣйшiй въ душѣ, ничего не достигаетъ, потому что и цѣли не имѣетъ, а живетъ въ свое удовольствiе и въ горестъ лошадамъ, на которыхъ безъ нужды ѣздитъ съ Разгуляя на Дѣвичье поле. Москвичъ, какъ бы ни былъ занятъ — скроетъ это и будетъ отъ души радъ, что ему помѣшали; петербуржецъ, какъ

бы ни былъ свободенъ отъ дѣлъ, никогда не признается въ этомъ. Въ Петербургѣ на каждомъ шагу встрѣтите представителей всѣхъ военныхъ чиновъ и четырнадцати соотвѣтствующихъ классовъ статской службы; въ Москвѣ отставныхъ изъ всѣхъ чиновъ военной и статской службы: изъ военной—знаменитыхъ людей венгерокъ и усовъ, трубокъ и картъ; изъ статскихъ—вѣчныхъ обѣдатель англійскаго клуба, людей золотыхъ табакококъ и картъ. Ихъ почти совсѣмъ не найдешь въ Петербургѣ, за то я и въ Петербургѣ между львами, тиграми и прочими злокачественными знаменитостями встрѣчалъ такихъ людей, которые ни на какого звѣря, даже на человѣка не похожи, а въ Петербургѣ дома какъ рыба въ водѣ. Московскіе писатели ничего не пишутъ, мало читаютъ—и очень много говорятъ; петербургскіе ничего не читаютъ, мало говорятъ—и очень много пишутъ. Московскіе чиновники заходятъ всякій день (кроме праздничныхъ и воскресныхъ дней) на службу; петербургскіе—заходятъ всякій день со службы домой; они даже въ праздничный день, хотя на минуту, а заглянуть въ департаментъ. Въ Петербургѣ того и смотри умрешь

можно обѣдать не хуже, чѣмъ у Леграна и Сен-Жоржа. Ему смерть не хочется ѣхать въ Петербургъ, но онъ показываетъ видъ, что стремится вырваться изъ провинціального города такъ, какъ москвичъ показываетъ изъ себя отчаяннѣйшаго петербуржца и большого любителя петербургскихъ нравовъ. Воротившись, петербуржець карабкается на свой четвертый этажъ и, отдыхая среди запаха кухни въ маленькой лачугѣ, смѣется надъ московскимъ просторомъ.

Вообще я слышалъ отъ многихъ, что Петербургу вмѣняютъ въ достоинство эти сплошные дома о пятистахъ окнахъ, а Москвѣ вмѣняютъ въ недостатокъ, что дома ея удобнѣе, что никто тамъ другъ другу не мѣшаетъ, что московская постройка способствуетъ чистотѣ воздуха. Я ужасно люблю старинные московскіе дома, окруженные полями, лѣсами, озерами, парками, скверами, гаванями, пустынями и степями, по которымъ едва протоптаны дорожки отъ дома къ погребу и на которыхъ, если не найдете дворника, то зато встрѣтите стадо дикихъ собакъ. Замѣчательно, что въ Москвѣ домъ окружень дворомъ, а въ Петербургѣ дворъ—домомъ: это имѣетъ тоже свою прелесть... Мнѣ часто

приходило въ голову: еслибъ въ Петербургѣ случилась теплая погода, и свѣтило бы солнце, какую прекрасную тѣнь можно бѣ было находить на дворѣ!.. Но возвратимся отъ домовъ опять къ людямъ. Въ Петербургѣ ужасно любятъ роскошь, но терпѣть не могутъ ничего лишняго; въ Москвѣ только лишнее и считается роскошью; оттого въ Москвѣ почти у каждаго дома колонны, а въ Петербургѣ ни у одного; оттого петербургское гостеприимство стремится изящнымъ образомъ насытить вашъ голодъ и вашу жажду и на этомъ останавливается, а московское только тутъ и начинается: оно молчитъ, пока вамъ хочется пить и ѣсть, и начинаетъ свое преслѣдованіе, когда видитъ, что вамъ не возможно ни пить, ни ѣсть, Потому же у каждаго московскаго барина множество слугъ въ передней, дурно одѣтыхъ и болѣе приученныхъ къ отѣзжему полю, нежели къ мирнымъ комнатамъ; а въ Петербургѣ одинъ слуга, много двое, чисто одѣтыхъ и ловкихъ, но неумѣющихъ травить гончими,—что и не очень нужно за порядочнымъ ужиномъ, гдѣ даже и жареныхъ зайцевъ не подаютъ. Москвичъ непременно закладываетъ четыре лошади въ карету—не для легкости и ско-

они были въ опалѣ, гдѣ, наконецъ, А. С. Хомяковъ спорилъ до четырехъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ, съ мурмолкой въ рукѣ, свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобъ не сотворить тайно моленіе и тостъ, который всѣ знали; гдѣ Р..... выводилъ логически личнаго Бога, AD MAJOREM GLORIAM HEGELIJ; гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью; гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича; гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными; гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы, отъ Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ; гдѣ Боткинъ и Крюковъ пантеистически наслаждались разсказами М. С. Щепкина и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало.

Вообще въ Москвѣ жизнь больше деревен-

европейской жизни, и въ то же время въ немъ сохранилась привитая намъ воспитаніемъ традиція западной вѣжливости, которая на Западѣ исчезаетъ; она, съ примѣсью славянскаго LAISSER ALLER, а подѣ часъ и разгула, составляла особый русскій характеръ московскаго общества, къ его великому горю, потому что оно смертельно хотѣло быть парижскимъ, и это хотѣніе навѣрное осталось.

Москва сороковыхъ годовъ принимала дѣятельное участіе за мурмолки и противъ нихъ; барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова, или за Грановскаго, жалѣя только, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патриотъ.

LXVI.

Олегъ, грамматикъ странный самый,
Родъ женскій съ мужескимъ смѣшалъ:
Всѣмъ русскимъ городамъ упрямо
Онъ Кіевъ матерю назвалъ.
Но Кіевъ-матушка съ нуждою
Въ народную ложилась рѣчь:
Не долго могъ онъ быть главою
И землю Русскую стеречь.

Москва поправила ошибку, —
Оправданъ ею былъ Олегъ,
И видимъ мы, что рѣчь незыбку
Про мать градовъ онъ древле рекъ.
Москва за Русь возстала мочно,
Нѣтъ счета порваннымъ цѣпямъ,
И стала матерю точно
Она всѣмъ русскимъ городамъ!

LXVII.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

I.

Какъ хороша Москва весною!
Какъ хороша весна въ Москвѣ!
Надъ этой пестрою громадой,
День яркій блещетъ въ синевѣ.

Благоуханья полонъ воздухъ,
Онъ вѣетъ мягкой теплотой,
И упоительная нѣга
Несется сладкою струей.

Все дышетъ жизнью и весельемъ,
Все празднуетъ цвѣтущій май:
Сады зеленымъ ожерельемъ
Лереплелись изъ края въ край.

Изъ волнъ воздушныхъ выплывая,
Златые куполы горять;

Кресты, какъ серафимовъ стая,
Съ земли на небеса парятъ.

Съ холмовъ Москвы вперяю очи
Въ широкій, дальній небосклонъ:
Монастыри, лѣса и села
Красуются со всѣхъ сторонъ.

Поившая своей волною
Давно минувшіе вѣка,
Тамъ вьется свѣтлой полосой
Смиренная Москва-рѣка.

Ея изгибами игриво
Объяты жатвы и луга,
И Карамзинъ краснорѣчиво
Ея прославилъ берега.

Когда на гладь рѣки наводитъ
Свой алый блескъ сходящій день,
Тамъ бѣдной Лизы грустно бродитъ
Москвой оплаканная тѣнь.

Ее почувешь думой нѣжной,
И видишь: какъ въ рѣчной потокъ
Она, въ часъ грусти безнадежной,
Кидаетъ ландышей пучекъ.

II.

Священны, о Москва! преданья
Твоихъ краснорѣчивыхъ стѣнъ;
Онѣ скрижаль бытописанья
Богатыхъ славою временъ.

Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня!
Онѣ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онѣ—наша сила и святыня,
Молебникъ и архистратигъ.

Въ грозѣ и славѣ онѣ воспитанъ,
Онѣ носить жезль и копье,
За Русь онѣ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ—и спасъ ее...

Чье сердце русское не дрогнетъ,
Когда съ твоихъ колоколовъ
Раздастся въ благовѣстѣ громкомъ
Къ народу православный зовъ?

Течетъ толпа за крестнымъ ходомъ,
Въ одинъ потокъ слилась Москва;
Все духовенство предъ народомъ,
Святое войско Божества,

Грядеть во блескъ облаченья;
Сіяеть золотомъ парча;
Хоругви вьются, льются пѣнья,
Напѣвомъ неземнымъ звуча.

Благочестивая картина,
Народной памяти обрядъ!
Годинѣ вслѣдъ прошла година,
Пройдетъ вѣковъ грядущихъ рядъ,—

На этотъ праздникъ ежегодный,
На эту тризну старины,
Съ молитвой вновь, семьей народной,
Стекутся вѣрные сыны,

И мѣстный образъ поднимая,
Устроить тотъ же крестный ходъ,
Обычай предковъ поминая
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

Струя преданій! Локолѣньямъ
Святой, живительный родникъ!
Гдѣ ты хранимъ съ благоговѣньемъ,—
Народъ тамъ крѣпокъ и великъ!

III.

Твердятъ: ты съ Азіей Европа,
Славянскій и татарскій Римъ,
И то, что вѣрѣлось до потопа,
Въ тебѣ еще и нынѣ зримъ.

Въ тебѣ и новый міръ, и древній;
Въ тебѣ пасутъ свои стада
Патріархальныя деревни
У Патріаршаго пруда;

Строенья всѣхъ цвѣтовъ и водчествъ,
А подписи на воротахъ—
Наборъ такихъ именъ и отчествъ,
Что просто зарябитъ въ глазахъ;

Здѣсь чудо-барекія палаты,
Съ гербомъ, гдѣ вѣнчанъ знатный родъ,—
Вблизи—на курьихъ ножкахъ хаты
И съ огурцами огородъ.

Поэзія съ торговлей рядомъ:
Ворвался Манчестеръ въ Дарь-градъ,
Ларовики дымятся смрадомъ,—
Рай нѣги и рабочій адъ!

Кузнецкій мостъ давно безъ кузницъ,
Парижа пестрый уголокъ,
Гдѣ онъ вербуетъ русскихъ узницъ,
Гдѣ онъ собираетъ съ нихъ оброкъ.

А тутъ, посмотришь,—Русь родная
Съ своею древней простотой,
Не стертая, не початая,
Какъ самородокъ золотой,—

Русь въ кичкѣ, въ красной душегрѣйкѣ,
Она, какъ будто за сто лѣтъ,
Живетъ себѣ на Моросейкѣ,
И до Европы дѣла нѣтъ.

Все это такъ—и тѣмъ прекраснѣй!
Разнообразье—красота:
Быль жизни, съ своенравной басней;
Здѣсь хламъ, тамъ свѣжая мечта.

Здѣсь личность есть и самобытность,
Кто я, такъ я, не каждый мы:
Чувствъ подчиненность или скрытность
Не заморозила умы.

Нѣтъ обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общихъ формъ;

Что конь степной—здѣсь каждый малой,
Разнузданъ на подножный кормъ.

У каждаго свои причуды
И свой аршинъ съ своимъ конькомъ,
Свой нравъ, свой толкъ и пересуды
О томъ, о семъ и ни о чемъ.

Москва! подъ оболочкой пестрой,
Храни свой самородный бытъ!
Пусть Грибоѣдовъ шуткой острой
Тебя насмѣшливо язвить;

Ты не смущайся, не мѣняйся;
Вѣками вылитая въ мѣдь,
На Кремль свой гордо опирайся,
И чѣмъ была, тѣмъ будь и впреды!

Величье есть въ твоёмъ упадкѣ,
Въ рубцахъ твоихъ истертыхъ латъ!
Есть прелесть въ этомъ безпорядкѣ
Твоихъ разбросанныхъ палатъ,

Твоихъ садовъ и огородовъ,
Высокихъ башенъ, пустырей,
Съ желѣзной мачтою заводовъ
И съ колокольнями церквей.

Есть прелесть въ дружбѣ хлѣбосольной
Гостепріимныхъ москвичей,
Въ ихъ важности самодовольной,
Въ игрѣ невинныхъ ихъ затѣй.

Здѣсь повсемѣстный и всегдашній
Есть русскій складъ, есть русскій духъ,
Начать—отъ Сухаревой башни
И кончить—сплетнями старухъ.

1792

Князь П. Вяземскій.

LXVIII.

Былъ чудный майскій день въ Москвѣ,
Кресты церквей сверкали;
Вились касатки подъ окномъ
И звонко щебетали.

Я подъ окномъ сидѣлъ влюбленъ,
Душой и юнъ и боленъ;
Какъ пчелы, звуки вдалекѣ
Жужжали съ колоколенъ.

Вдругъ звуки стройно, какъ органъ,
Запѣли въ отдаленъи;
Невольно дрогнула душа
При этомъ стройномъ пѣньи.

И шель и росъ поющій хоръ,—
И непонятной силой
Въ душѣ сливался ликъ небесъ
Съ безмолвною могилой:

И шелъ и росъ поющій хоръ, —
И черною грядою
Тянулся набожно народъ
Съ открытой головою.

И миновалъ поющій хоръ,
Его я минулъ взоромъ,
И гробицъ розовый прошелъ
За громогласнымъ хоромъ.

Струится теплый вѣтерокъ,
Покровы колыхая,
И мнѣ казалось, что душа
Ларила молодая.

Весенній блескъ, весенній шумъ,
Молитвы стройной звуки,
Все тихимъ вѣяло крыломъ
Надъ грустію разлуки.

За гробомъ шла шатаясь, мать, —
Надгробное рыданье!
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье.

А. Фетъ.

LXIX.

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Ахъ, Ботнинъ, Ботнины! съ какою бы радостію побылъ я хоть минутку въ милой Москвѣ, послушалъ бы царственнаго гула ея колоколовъ, взглянулъ бы на святой Кремль и на бодрыхъ московскихъ людей съ бородами... А если бъ часокъ посидѣть въ твоей комнатѣ—святители! Но увы! мнѣ долго не видать Москвы...

Бѣлицкій.

„Ахъ, если бы мнѣ позволено было оставить службу, — съ какимъ удовольствіемъ поселился бы я здѣсь навсегда!“

М. Державинъ.

Гоголь къ Максимовичу: „Влюбился же въ эту старую, толстую бабу—Москву, отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь!“

I.XX.

ИЗЪ КОМЕДИИ А. С. ГРИБОѢДОВА

„ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зата онъ съ звѣздами, да
съ чинами.

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть
свѣтъ!

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ.

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода.
Чего? Плодятся годъ изъ года.

...Едва

Другая сыщется столица, какъ Москва.

Дистанція огромнаго размѣра.

Пожаръ способствовалъ ей много къ укра-
шенью.

На всѣхъ московскихъ есть особый отпеча-
токъ.

Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ
служить?

И награжденья брать, и весело пожить.

У насъ (въ Москвѣ) ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.

Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человекъ изъ города Бордо:

Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ понятіяхъ вселять участие.

И въ Петербургѣ и въ Москвѣ

Кто недругъ глупыхъ лицъ, всѣхъ вычуръ,
словъ кудрявыхъ,

Въ чьей, по несчастью, головѣ,

Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,

И онъ осмѣлится ихъ гласно объявить—

Вездѣ его бѣгутъ...

Нѣтъ, недоволенъ я Москвой.

Москва, вишь, виновата..

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды да об-
новы!

Вотъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ.

IV

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

LXXI.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ.

Ты знаешь градъ, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, хижины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ,
Какъ водопадъ, бушуетъ „Русскій Вѣстникъ“,
Гдѣ „Атеней“, какъ ручеекъ, журчалъ.

Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Ученый говоритъ: тотъ градъ славнѣе Рима;
Прозаикъ—„сердцемъ родины“ зоветъ;
Поэтъ гласитъ: „Россіи дочь любима“,
И „матушкою“ чествуетъ народъ.
Недаромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы
При имени заслугъ, какія онъ свершилъ:
Въ 12-мъ году такіе тамъ морозы
Стояли, что французъ досель ихъ не забылъ!

Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любить тамъ;
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженъе дамъ.
И что романъ! Тамъ поражаютъ пьянство,
Устами Чаннинга о трезвости поютъ.
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ „Свистокъ“ проклятью предають.
Серьезный градъ! Туда, туда съ тобой
Намъ страшно показаться, милый мой!

Н. Некрасовъ.

LXXII.

У ИВЕРСКОЙ ЧАСОВНИ.

Здѣсь воздухъ напоенъ дыханіемъ молитвы“
Здѣсь мошеники приходятъ для ловитвы
Здѣсь умиленіе безъ носовыхъ платковъ
И благочестіе нерѣдко безъ часовъ.

Н. Щербица.

LXXIII.

МОСКВА.

Ахъ, лукавить молва,
Что уснула Москва,
Братцы!

Что, осиливъ блины,
Ей тревожные сны
Снятся;

Что, не зная заботъ,
Ей милѣй круглый годъ
Спать бы,
И гадать на бобахъ,
И играть черезъ свахъ
Свадьбы.

Ахъ, зачѣмъ клевета
Осмѣяла мѣста
Эти!

Вѣдь языкъ злыхъ людей
Бьетъ, повѣрьте, больнѣй
Плети.

Нѣтъ, Москва-старина
И въ просонкахъ умна
Даже,
Не слабѣетъ отъ лѣтъ,
Европейской въ ней нѣтъ
Блажи.

Не горитъ въ ней „Маякъ“,
„Москвитянинъ“-чудакъ,
Гдѣ-ты?
Какъ „Маякъ“ отъ кручинъ,
Ты погибъ среди пучинъ
Леты.

Но иная заря,
Надъ Москвою горя,
Встала...
Развѣ новыхъ умовъ
Межъ твоихъ теремовъ
Мало?

Нѣтъ, лукавитъ молва,
Что уснула Москва,
Братцы!
Все впередъ въ ней идетъ,
Лишь за дѣло начнетъ
Братся.

Д. Мицаевъ.

СРАВНЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА СЪ МОСКВОЙ.

У васъ Нева,
У насъ Москва.
У васъ Княжнинъ,
У насъ Ильинъ.
У васъ Хвостовъ,
У насъ Шатровъ.
У васъ плутамъ,
У васъ глупцамъ,
Больнымъ,
Дурнымъ стихамъ—
И счету нѣтъ.
Боюсь и здѣсь
Не лучше смѣсь...
Въ чахоткѣ честь,
А съ брюхомъ лесть—
Какъ на Невѣ,
Такъ и въ Москвѣ.
Мужей въ рогахъ,
Дѣвицъ въ родахъ,

Мужчинъ въ чепцахъ,
А бабъ въ порткахъ—
Найдешь у васъ,
Какъ и у насъ,
Не пряля глазь.

Жц. Вяземскій.

Впрочемъ, честь ихъ чужда укѣоризны:
Добывали мѣста для родни
И въ сенатѣ на пользу отчизны
Подавали свой голось они.
Жаль, ужъ ихъ потеряла Россія,
И оплакаль москвичъ отъ души:
Подкосила ихъ „лиқантропія“,
Ихъ заѣли подкожныя вши...

Н. Некрасовъ.

LXXVI.

НОСТУРНО.

Не широка,
Не глубока,
Шумить,
Бѣжитъ
Москва-рѣка.

Въ сонномъ воздухѣ все тихо,
Въ небѣ крадется луна;
Чу! московская купчиха
Распѣваетъ у окна.

Не широка,
Не глубока,
Шумить,
Бѣжитъ
Москва-рѣка.

Скинь корсетъ свой, ангелъ милый,
И явись, какъ ясный „День“,
Молятъ всѣ славянофилы:
Сарафанъ родной надѣнь!

Не широка,
Не глубока,
Шумить,
Рѣжитъ
Москва-рѣка.

Д. Мицесов.

МОСКВА.

(ДОБАВЛЕНІЯ *).

Прекрасна ты въ одеждѣ вѣковой
Дарица мать земли моей родной!,
Какъ гробъ, костей, ты дѣлъ былыхъ полна,
Но гдѣ жъ они, къѣмъ ты была сильна?..

Державный градъ на сѣверѣ стоитъ;
У ногъ его сѣдое море спитъ;
Порой оно подъемлетъ голосъ свой
И берегъ бьетъ широкою волной.
Но дивный градъ стоитъ неодолимъ,
И море вновь стихаетъ передъ нимъ.
Когда бъ взглянулъ на рядъ гробовъ твоихъ.
На ветхій Кремль, на сонмъ церквей святыхъ,
То со стыда въ нерусскую Неву
Вѣнчанную сокрылъ бы онъ главу!
Прекрасна ты въ одеждѣ вѣковой,
Дарица-мать земли моей родной!

1834

Л. Траповскій.

*) Мы нашли эту пьесу послѣ того, какъ книга была отпечатана, и помѣщаемъ ее, какъ заключеніе нашего сборника.

V.

СЛАВЯНЕ О МОСКВѢ.

Столица ваша—Москва, а
не Петербургъ, который ни
что иное, какъ резиденція
Государя.

Наполеонъ I

(въ разговорѣ съ Тучковымъ).

LXXVII.

ИЗЪ КОЛЛАРА.

Краса всего полуночнаго края,
Мать Руси всей, и сердце, и глава,
Стоить золотоверхая Москва,
Крестами храмовъ блеща и играя.

Вдругъ занялася пламенемъ она;
Реветъ пожаръ отъ края и до края,
Дома, чертоги, хаты пожара—
И запылалъ дворецъ РаSTOPчина...

Погибли созиданія столѣтій!
Скажи, зачѣмъ ты свѣточъ сей зажгла?
„Чтобы яснѣй вселенная прочла

Исторію мою при этомъ свѣтѣ
И знало бѣ, чѣмъ для Руси я была
И каковы мои родныя дѣти!“

Н. Берез.

ІХХІХ.

НАША НАДЕЖДА.

(изъ медича).

ОТРЫВОКЪ.

Долго былъ престольный Кіевъ
Царства русскаго главою,
Но свершилось — и склонился
Онъ предъ царственной Москвою.

Здѣсь орелъ, Кремля владыка,
Свилъ гнѣздо между холмами
И прикрылъ всю Русь святую
Исполинскими крылами.

Но теперь онъ тамъ витаетъ,
Гдѣ дика краса природы,
Гдѣ Нева въ сѣдое море
Катитъ царственныя воды.

Тамъ хранится православье,
Тамъ законъ правдиво читается —

Ты опора православья;
Безъ тебя торжество гражданскихъ
Намъ бы видѣть не пришлось
Въ честь апостоловъ славянскихъ.

Да, Москва есть сердце Руси,
Безпредѣльнаго пространства;
А Россія — это сердце
Всей вселенной и славянства!

О, Москва! прощайся вѣчно —
До тѣхъ поръ, пока волнами
Будетъ Волга, рѣкъ царица,
Лобызаться съ берегами.

Н. Тербель.

Ты — что сонъ отраднѣй,
Навѣяннѣй вилой!

Всѣ къ тебѣ мы съ юга
Устремляемъ очи,
Дивнѣя невѣста
Свѣтлой полуночи!

Шибко бьется сердце,
Кровь вскипаетъ въ жилахъ,
Чуть тебя вспомнѣшь,
Мать намъ братьевъ милыхъ

Лодыми же къ звѣздамъ
Голову высоко:
Орель — твой избранникъ,
А сынъ — яснѣй соколъ!

Славиться, гордиться
Можѣшь ты по праву,
Искони добывши
Честь себѣ и славу!

Ты въ крови купалась
И въ слезахъ горючихъ —
Истинная гордость
Россіянъ могучихъ!

Такъ услышь же, мати,
Этотъ голосъ съ юга,
Голосъ братьевъ вѣрныхъ,
Кличь ко другу друга!

Будешь ты намъ сниться
Тамъ и днемъ и ночью,
Вся полна красою
Дивною и мощью.

Н. Бергъ.

ІХХХІ.

ИЗЪ КУКУЛЕВИЧА САКЦИНСКАГО.

Москва золотая,
Полсвѣта столица,
Всѣхъ ты градовъ русскихъ
Матушка-царица!

Сколько усемирила
Мать, ты всякой дичи,
Сохранивши вѣру
И старый 'обычай!

На тебя Россія
Цѣлая взираетъ,
Все къ тебѣ славянство
Длани простираетъ!

Подымись, царица!
Кликни кличъ къ намъ, мати!
Иль, какъ мы, ты любишь
Также подремати?

Н. Бергъ.

VI

ПРИЛОЖЕНІЕ

„Москва не городъ—міръ“.

Екатерина Великая
(въ письмѣ къ Вольтеру).

ЛХХХІІ.

НАРОДНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

(ИЗЪ СБОРНИКОВЪ САХАРОВА, СНЕГИРЕВА, ДАЛЯ, ВУСЛАЕВА,
АФАНАСЬЕВА, ПОМИСА).

Москва всеѣмъ городамъ мать.

Матушка Москва бѣлокаменная, злато-
главая, хлѣбосольная, православная, слово-
охотливая, царелюбивая.

Москва—золотыя маковки.

Москва горбатая (на холмахъ).

Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Новгородъ—отецъ, Кіевъ—мать, Москва—
сердце, Петербургъ—голова.

Не разомъ Москва построена. Не вдругъ
Москва строилась.

Москва вѣками строилась.

Литеръ—кормило, Москва—кормь.

Москва создана вѣками, Литеръ—милліонами.

Москва бьетъ съ носка, а Литеръ бока по-
вытеръ.

Литеръ женится, Москва замужъ идетъ.
Славится Москва невѣстами, колоколами, да
калачами.

Славна Москва калачами, Петербургъ—уса-
чами.

Въ Москвѣ калачи какъ огонь горячи.
Славна Москва калачами, а Петербургъ—си-
гами.

Пріѣхаль въ Москву кормиться, нечего до-
мой торопиться.

Хлѣба-соли, покушать, краснаго звону по-
слушать.

Въ Москвѣ сорѣкъ сороковъ церквей.
Въ Москвѣ каждый день праздникъ (по мно-
жеству церквей).

Въ Москвѣ толсто (густо, часто) звонятъ, да
тонко (жидко, рѣдко) ѣдятъ (т. е. все до-
рого).

У Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у ста-
раго Егорья часы говорятъ.

У Фрола врала, теперь пойду Николѣ повру
(это старуха богомольная была на ранней
у Фрола-Лавра, а на позднюю ѣдетъ къ
Николѣ-во-рву).

Въ Москвѣ къ заутрени звонили, а на Во-
логдѣ звонъ слышали.

Не только звону, что въ Звенигородѣ (есть и въ Москвѣ).

Не только звону, что въ Москвѣ.

На недѣлѣ семь пятницъ (на Красной площади въ Москвѣ было семь обѣтныхъ Пятницъ, церквей во имя св. Параскевы-Пятницы, чтимой народомъ, который, по обѣту, въ пятки не работалъ).

Женится Иванъ Великій на Сухаревой башнѣ. беретъ въ приданое четыре калашни.

Выше Ивана Великаго.

Нагнули да и воткнули (отвѣчали мужику на вопросъ: какъ въ Ивана Великаго крестъ вколотили).

Былъ въ Кремлѣ: видѣлъ колоколъ въ землѣ, а Ивана Великаго не замѣтилъ.

Кабы не кабы, такъ бы Ивана Великаго въ бутылку спряталъ.

Кабы Иванъ Великій былъ маленькій, я бы его въ карманъ посадилъ.

Кабы Иванъ Великій былъ маленькій, а карманъ у меня большой, я бы его туда посадилъ.

Есть чернецы да на Симоновѣ.

Есть чернецы и на Симоновѣ, да ими не хватается.

Кричитъ во всю Ивановскую (т. е. площадь

у Ивана Великаго или улицу въ Китаѣ-городѣ, съ пятью церквами.

Дотомъ выраженіе „во всю Ивановскую“ сдѣлалось нарицательнымъ именемъ: „скакать, валять во всю Ивановскую“, значить во весь духъ, во весь опоръ. „Катай во всю Ивановскую“; „дуй во всю Ивановскую“— гони и въ хвостъ и въ голову. „Лиши во всю Ивановскую“—коли кто дѣлаетъ что-нибудь на авось, на удачу.

Мое счастье на Спасскомъ мосту съ чашкой (тамъ прежде слѣпые собирались).

Вались народъ отъ Яузскихъ воротъ.

Дороже Каменнаго моста.

Съ коломенскую версту (очень большія были).

Обдержался какъ коломенскій горшокъ.

Ѣдемъ мы изъ Зарядья въ Кремль девятый день.

Въ Кудрино-то не мудрено, да изъ Кудрина мудрено.

Не Москва государю указъ, государь—Москва.

Видно, городъ великъ, что семь воеводъ.

У одной овечки да семь пастуховъ. Московская семибоярщина.

Ѣкъ куда хватилъ! Семибоярщину припомнилъ.

Московская разнобоярщина.

„Въ бесѣдѣ у насъ, хозяинъ, Выходила его ключница!
Люди добрые сидятъ, Въ новые выхода,
Они говорятъ, разсуждаютъ, Заронила она искру
Рѣчь хорошую говорятъ: Воскояровой свѣчей:
Отчего наша каменна Мос- Оттого у насъ каменна Мо-
сква загоралась? сква загоралась!“

Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большого господина
Графа Шереметева.

(Сахаровъ, Сказанія русскаго на-
рода, т. I, пѣсни, стр. 246. Шереме-
тевъ, о которомъ идетъ рѣчь, умеръ
въ 1719 г.).

Отъ Бородинской пушки подъ Москвой зем-
ля дрожала.

Былъ неопаленъ (Наполеонъ), а изъ Москвы
вышелъ опаленъ.

Отогрѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ.

Пропалъ какъ французъ въ Москвѣ. ✓

Москва молодцовъ видала.

Московскіе разоренные (1812 года).

Въ теремѣ высоко, а до Москвы далеко.

Москва не клиномъ сошлась, околицы нѣтъ.

На Дону жить прохладно, на Москвѣ весело.

Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ птичьего
молока.

Въ Москвѣ все найдешь, кромѣ роднаго от-
ца-матери.

Москва любитъ запасецъ.

Хотѣлъ мужикъ съ Москвы сапоги снести,
а радъ съ Москвы голову унести.

Ланкрать скорохватъ! скоро къ Москвѣ при-
шелъ, скоро тетку нашелъ.

А что просишь за Москву (спросилъ бога-
тый мужикъ и полѣзъ за пазуху)?

Онъ на показъ до Москвы безъ спотычки
пробѣжитъ.

Была въ Москвѣ, видѣла золотыя маковки
(т. е. около баръ).

Съ Москвы, съ пасада, съ авошново ряда
(дразнятъ акальщикова).

Бѣу въ Москвѣ, шеу по доскѣ, упау въ
грезь и стау кнезь (говорится о тѣхъ во-
логодцахъ, кто старается говорить москов-
скимъ выговоромъ).

За спасибо кумъ пѣши въ Москву сходилъ.
За спасибо мужичекъ въ Москву сходилъ,
да еще полспасаба домой принесъ.

Для поговорки мужикъ въ Москву пѣши шелъ.
Поѣхалъ въ Москву за пѣснями.

Дѣвичья коса—на всю Москву краса.

Что въ Москвѣ въ торгу, чтобъ было у тебя
въ долгу (въ дому).

Въ Москвѣ рубятъ, а къ намъ щепки летятъ.
Въ Москвѣ рубятъ, а въ Литерь стружки
летятъ.

Первые города отъ Москвы—два девяноста
верстъ (Владиміръ, Тверь, Тула, Калуга,
Рязань).

Городъ Чернь годомъ старѣе Москвы.

Бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ.

Ленжане свою ворону въ Москвѣ узнали.

Лошехонцы насосну лазили, Москву смотрѣли.

Нужда изъ Сызрани въ Москву пѣши шла.

Ты чей молодець? Зубчевскій купецъ. А гдѣ
былъ? Въ Москвѣ по міру ходилъ.

Харитонъ съ Москвы прибѣжалъ съ вѣстями.

Нашихъ дураковъ до Москвы не перевѣ-
шаешь.

Женскаго кумовства до Москвы не перевѣ-
шаешь.

Вашу братью и до Москвы не перевѣшаешь.

Родни не перевѣшаешь и до Москвы.

Копна отъ копны, какъ отъ Ростова до
Москвы.

Бабка отъ бабки, какъ отъ Москвы до Вятки.

Ой, Москва! она бьетъ съ носка.

Бей съ носка, поминай Москву.

Бей въ доску, поминай Москву.

Москва слезамъ не вѣритъ.

Москва ни по комъ не плачетъ (ни по чемъ
не тужить).

Москвы не разжалобишь (или: не расквелишь).

Москва по нашимъ бѣдамъ не плачетъ.

И половина Москвы не провѣдаетъ.

Живучи въ Москвѣ, пожить и въ тоскѣ.

Живетъ на Москвѣ въ немалой тоскѣ.

Московскій часъ; подожди съ московскій часъ.

Московская правда (ложь, обманъ).

Московскіе люди землю сѣютъ рожью, а живутъ ложью.

Наши за Москвой-рѣкой спятъ, а намъ не велятъ.

Москвичи рака со звономъ встрѣчали.

Два брата съ Арбата, а оба горбата.

Кто въ Колѣ три года проживетъ, того на Москвѣ не обманутъ.

Показать Москву въ рѣшето (обмануть, одурачить).

Шель молодець по Лрѣснѣ да свалился.

Скоморохъ съ Лрѣсни наигрывалъ пѣсни.

Не кручинься, женихи на Лрѣснѣ есть.

Недолга оглобля, а до Москвы достаеъ.

Прямъ какъ Московская оглобля.

Такой чай, что Москву насквозь видно.

На пикахъ вся Москва вистуетъ.

Разсыпался горохъ по всей Москвѣ, по всей Вологдѣ (загадка,—звѣзды).

Кину порохомъ, станегъ горохомъ, красной Москвой, бѣлой Литвой (загадка—макъ).

У всѣхъ святыхъ на Кулижкахъ, что въ Кожуховѣ, за Пречистенскими вороты, въ Тверской Ямской слободѣ, не доходя Таганки, на Ваганкѣ, въ Малыхъ Лужникахъ, что въ Гончарахъ, на Воргунихѣ у Николы въ Толмачахъ, на Трехъ горахъ... и проч. (т. е. нигдѣ).

За Яузой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ, близъ Вшивой горки на Петровкѣ, не доходя Локровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мѣщанской, въ Кожевникахъ, прошедши Котельниковъ, въ Кисловкѣ подъ Дѣвичьимъ, въ Гончарахъ на Трехъ горахъ, въ самыхъ Пушкаряхъ, на Лубянкѣ, на самой Полянкѣ, и проч. и проч. (т. е. нигдѣ).

Москва на злыдняхъ збудована, тай злыднями годована (злыдни—година бѣдствій, нужда, голодъ). У литовцевъ злыдни—родъ домовыхъ.

Москва слезамъ не вірить.

Въ Москву зъ грішми, зъ Москвы зъ вішми.

У ляхівъ—паны, на Москві—ребъято, а у насъ—браты.

Бовъ—бовъ по московській брехні.

Московській часъ—якъ жидівській заразъ.

Зъ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи.

Москаль не великъ чоловікъ, да ба! (опасенъ).

Москаль верты (обманывай, дѣлай какъ онъ).

Відъ москаля поли вріжъ да втікай.

Мать: Хто йде? Дочь: чортъ. Мать: дармо, дочко, абы не москаль.

Одъ чорта одхрестышься, а одъ москаля дубиною не одібъешься.

30c

48/0001/1802

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 041802

Твои дѣла давно воспѣты,
Твои пѣвцы не мнѣ чета!
Они прославили столицу
И звонкой пѣснію внесли
Въ бытописаніе земли
Краснорѣчивую страницу!
Она святымъ горитъ огнемъ,
Она святой облита кровью,
И славныхъ дѣлъ на ней съ любовью
Мы слѣдъ кровавый узнаемъ...

Но наша древняя столица
Не только въ этомъ мастерица;
Бранить худыя времена,
Враговъ свести, друзей разсорить,
Поврать, посплетничать, повздорить,
Она и въ этомъ страхъ умна.
Знать, надъ старушкою моею
Судьба старушекъ всѣхъ сбылась;
И пошутилъ-бы я надъ нею,
Да жаль, что шутка не далась...

Но я замѣчу мимоходомъ
То, что замѣтили и вы
Въ глухихъ предмѣстіяхъ Москвы,
Когда предъ вами хороводомъ
Толпа цыганокъ молодыхъ

XVI.

КРЕМЛЬ.

Склони чело, Россіи вѣрный сынъ:
Безсмертный Кремль стоитъ передъ тобою;
Онъ въ буряхъ возмужалъ — и, рока властелинъ,
Собравъ вѣка надъ древнею главою,
Возвысился могучь, неколебимъ,
Какъ геній славы надъ Москвою!

Здѣсь гордый умъ смиренъ, окованы мечты,
Но сердце русское исполнено отрады;
Лорой устремлены къ землѣ нѣмые взгляды:
Тамъ, въ прахѣ — искрятся великіе слѣды.

Н. Станкевичъ.

Димитрій въ страшный бой съ дружинами
летѣлъ ¹⁾;

Отсюда Иоаннъ, къ Казани поспѣшая,
Войной отмщенія въ Ордѣ Златой гремѣлъ;
Здѣсь мощный Годуновъ, ревнитель просвѣ-
щенья,

Рукой державною науки насаждалъ ²⁾;
Здѣсь мудрый Алексѣй законы управленья
Во благо родины писалъ ³⁾;
Здѣсь нашъ родился Петръ—и вотъ вѣнецъ
всей славы,

Всѣхъ пышныхъ почестей твоихъ!
Отсюда потекли всѣ новые уставы,
Какъ быстрыя струи источниковъ златыхъ!
Здѣсь нашъ родился флотъ и наши легіоны—
Залогъ грядущаго величья и побѣдъ!
И удивленный ими свѣтъ
Не зрѣлъ уже для нихъ нигдѣ ни въ чемъ
препоны!

Они въ позднѣйшихъ временахъ,
Какъ эхо, при Чесмѣ, Кагулѣ повторились—
И вновь со славой подружились
При Нови, Рымникѣ, на Сенскихъ берегахъ—
И лавръ зеленый завѣщали

¹⁾ Дмитрий Донской на отраженіе Мамаю.

²⁾ Царь Борисъ любилъ европ. просвѣщеніе.

³⁾ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Стоить онъ, старовѣръ нетлѣнный,
Въ сосѣдствѣ тлѣнья и гробовъ
Воспоминаніемъ украшенъ!
Тамъ богатырь, начальникъ башенъ,
Его поставилъ Годуновъ,
Чтобъ онъ изъ вѣчныхъ житницъ Неба
Добылъ кусокъ насущный хлѣба ¹⁾.
Гигантъ, люблю твой царскій гулъ!
Несомый въ воздухѣ привольномъ,
Лишь онъ бывало не тонулъ
Въ аккордѣ мѣдно-колокольномъ!
Какъ чудно слушала Москва
Его разгульныя слова!
Онъ молвить: разъ, онъ молвить: два,
Онъ молвить: три... хоръ мѣдный грянетъ:
„Вставай Москва!“... Старушка встанетъ,
И, слыша отгулъ вѣковой,
Крестится дряхлою рукой!

¹⁾ Ивановская колокольня построена Годуновымъ во времена голода.

XXI.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ.

Ты будешь мнѣ памятенъ, Кремль злато-
главый,
Могучій, державный, исполненный славы
И нашей святыни родной!
Мятежно и бурно текли надъ тобой
Вѣка: но не дрогнувъ подъ ихъ тяготою,
Ты принялъ ее на свои рамена,
Окрѣпнулъ, хранимъ Провидѣнья рукою—
И дивно украсился ты лѣпотою,
И громкая доля тебѣ суждена!

Ты царственнымъ окомъ всю Русь обни-
маешь:
Какъ опытный старецъ, минувшее знаешь,
Какъ мужъ, ты на новое смотришь орломъ!
Люблю я тебя, когда преданъ покою,
Безмолвный надъ вѣчно-немолчной Москвою,
Стоишь ты, съ нахмуреннымъ думой челомъ

ихъ скромныя гробницы—какъ это все отрыва-
ваетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти,
умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то
неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Вни-
зу все еще движеніе и суета, люди или хло-
почуть о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ
другу убивать время; а здѣсь все тихо, все
спокойно и все также живетъ,—но только
другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія
башни, царскіе терема не безмолвны,—они го-
ворятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ
душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошед-
шихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ—и бѣд-
ствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страда-
нія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру
въ Провидѣнье, которое, такъ быстро, такъ
дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ
избранное орудіе для совершенія неисповѣ-
димыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены
древнею русскою святынею, вы бесѣдуете съ
нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилип-
шій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ
земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ
ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не ста-
нутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и на-
роды, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни вре-
мени, ни плача, ни страданій... Испытайте это

священнаго Кремля къ начатію благовѣста и затѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго ивановскаго колокола, и въ одну минуту, какъ будто по какому-то электрическому сотрясенію, загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасоваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ кремлевскихъ и цѣлаго города и въ то же время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златокованныя иконы и кресты, духовенство, въ праздничномъ облаченіи, съ дымящимися кадилами, а за нимъ тьма-тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ“; то, признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, какой-то духовный восторгъ и со слезами повторилъ въ глубинѣ души моей: „и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славити“ всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту!

С. Жихаревъ.

XXIV.

ВЕЛИКАЯ ПОЛНОЧЬ.

Съ безмолвною Москвой ждетъ русская земля
Призыва къ торжеству Христова Воскре-
сенья—

Чу! громозвучно вѣсть спасенья
Несется въ высоты престольнаго Кремля—
И ея градъ нашъ потрясаетъ,
А стройный хоръ колоколовъ
На этотъ кличъ, на кличъ вѣковъ,
Благоговѣнно отвѣчаетъ—
И небо радостью святой
Слилось съ юдолю земной!
Мгновенье чудное!.. Отверзлись Божьи храмы
И словно яркими звѣздами
Унизаны они въ полночной темнотѣ:
Ствеюду хлынулъ къ нимъ народъ, какъ моря
волны,
Туда, туда стремятся тѣ,
Чьи помыслы, въ сердечной простотѣ

А ихъ мольбы тогда угодны небесамъ
И предъ Воскресшимъ чисты, святы,
Какъ вьющійся горе кадилицъ фиміамъ,
Какъ мвроносицъ ароматы!
И что же въ силахъ мы Всесильному принести
За подвигъ нашего спасенья,
Какъ не дары любви, молитвы и смиренья?

Но всѣмъ слышна торжественная вѣсть
И въ храмы Божіи за Божіей семьею
Да идутъ темною толпою
Нетвердой поступью и тѣ,
Чья жизнь погрязла въ суетѣ,
А помыслы—плоды преступнаго сомнѣнья
Или заносчивой лжемудрости людской—
Враждуютъ съ вѣрою... Слѣпцы! безъ откровенья
Нѣтъ цѣли бытія, нѣтъ взору просвѣтлѣнья:
Вездѣ вещественность, вездѣ туманъ густой!

Какъ прахъ, высоко вѣтромъ унесенный,
Предъ 'солнцемъ падаетъ, такъ помысловъ
тщета,
Такъ духъ, житейскою гордыней возмущенный,
Смирившись, пасть должны предъ алтаремъ
Христа—
И храмъ, чертогъ Его, всѣхъ кающихся
приметь

И кубковъ дѣдовскихъ, и чарокъ вѣковыхъ
И всѣхъ сокровищъ, тутъ вѣками взгромож-
денныхъ,—
Мнѣ любь здѣсь мечъ одинъ.—мечъ бѣдный
и простой,
Безъ пышнаго герба, мечъ ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событя мировыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей.
Побѣдой искупилъ честь родины своей:
То мечъ Пожарскаго, спасителя Россіи!!!

Смотри же на него, боярей русскихъ сынъ.
Смотри, отечества слуга и гражданинъ!
Благоговѣй предъ нимъ и помни: чистой славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечъ намъ къ родинѣ велитъ питать лю-
бовь,
Служить и дѣломъ ей, и словомъ, и совѣтомъ!
Склони главу предъ нимъ, — и удались, съ
обѣтомъ
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!

Я чашу скорби и страданій,
Когда ужъ никому не буду я нужна:
Тогда—приду сюда окончить вѣкъ унылый,
Тогда приду сюда бывшее забывать..
Но чаще, можетъ быть, въ келейной мглѣ
мечтать
О томъ, что мучило, о томъ, что было мило!..

1832

Графъ. Евд. Растопчина.

XXXVII.

ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ.

Москва, Москва, гдѣ радости и горе
Мой юный духъ, пылая, обнималъ,
Гдѣ жизнь мою, какъ въ непогоду море,
Мятежъ страстей такъ часто волновалъ!
Ты—колыбель моихъ воспоминаній,
Сердечныхъ думъ и дерзкихъ упованій!...

Бывало, я въ лѣсу уединенномъ,
Гдѣ Кунцово на холмѣ возвышенномъ
Задумчивой плѣняетъ красотою,
Брожу одинъ вечернею зарей;
Москва-рѣка тамъ съ синими волнами,
Въ тѣни березъ, межъ дикими кустами,
Шумя блеститъ и, прихотей полна,
То скрылась вдругъ, то вдругъ опять видна;
Зеленый лугъ и роща за рѣкою;
Вдали видъ сель, полуодѣтыхъ тьмою...
Иду—ко мнѣ изъ сель летитъ порой

XL.

ПРОГУЛКА ВЪ КУСКОВЪ.

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бываль дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной!
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастной?

Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего ¹⁾.

Земли лоскутикъ драгоцѣнный—
Кусково! милый уголокъ,
Эдема сѣлокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ
Въ воскресный день позабывался,
И всякій чѣмъ нибудь плѣнялся!

Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ какъ облака;

¹⁾ Эти два стиха повторяются послѣ каждой строфы.

Кусково было всё въ запасно, —
Проси хоть птичьё молоко:
Куда пять пальцевъ ни протянешь
Вездѣ пріятности достанешь.

Свобода, мать увеселенья,
И роскошь съ нею заодно
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать серебро и злато кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.

Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ,
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорятъ,
Валяются стѣны залъ огромныхъ
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ.

Театръ волшебный подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ, —
Умолкли нѣжной груди звуки,
И Крезъ меньшей скончался въ скукъ¹⁾.

¹⁾ Графъ Никол. Петров. Шереметевъ † 1809; отецъ его графъ Петръ Борисовичъ умеръ 1788.

О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на
эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньѣ они такъ мирно
стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ, озиравшій, какъ
демонъ, святыню,
Не видалъ надъ своей головой, что звѣзда
его гаснетъ.
Мрачно сошелъ онъ съ горы,—не сошелъ онъ
съ утеса Елены!

М. Дмитриевъ.

ХІІІ.

ВАГАНЬКОВО КЛАДБИЩЕ.

Есть близъ заставы кладбище; его — всеѣмъ
знакомое имя.

Божія нива засѣяна вся; тутъ безвѣстные люди,
Добрые люди сошлись въ ожиданьи весны
воскресенья.

Вѣтви густыя деревъ осѣняютъ простыя могилы.
И свѣжа мурава, и спокойно, и тихо, какъ
вѣчность.

Тутъ на воскресные дни православный на-
родъ нашъ московскій
Любитъ къ усопшимъ роднымъ, какъ къ жи-
вымъ, приходитъ на свиданье.
Семьи нарядныхъ гостей сидятъ вкругъ каж-
дой могилы,
Ходятъ межъ камней простыхъ и, прочтя
знакомое имя,
Вспомнѣть, вздохнуть, поклонясь, и промол-
вятъ: „вѣчная память!“

XLVI.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

И такъ, мой другъ, увидимся мы вновь
Въ Москвѣ, всегда священной намъ и милой!
Въ ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье въ ней дни наши золотило.
Изъ дѣтства, другъ, для насъ была она
Святилищемъ драгихъ воспоминаній,
Протекшихъ бѣдъ, веселій, слезъ, желаній;
Здѣсь повѣсть намъ вездѣ оживлена...
Но что теперь твой встрѣтитъ мрачный взглядъ
Въ столицѣ сей и мира, и отрадъ?
Ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ
И цѣпь полей пустыхъ, осиротѣлыхъ,—
Слѣды враговъ, злодѣйства гнусныхъ чадъ.
Наукъ, забавъ и роскоши столица—
Издревле край любви и красоты—
Есть нынѣ край страданій, нищеты.
Здѣсь бѣдная скитается вдовица,
Тамъ слышенъ вопль младенца-сироты;
Ихъ зреть въ слезахъ румяная денница,

Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на поле чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я, въ жертву мести,
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь ¹⁾,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнурымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ!

1812

К. Батюшковъ.

¹⁾ Генераль А. Н. Бахметевъ, при которомъ Батюшковъ служилъ адъютантомъ.

XLIX.

ПѢВЕЦЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Бѣгите въ Кремль! На холмѣ томъ,
Гдѣ пѣли наши дѣды
Побѣдну пѣснь предъ божествомъ,
Мы грянемъ пѣснь побѣды.
Зоветь Кремля священный гласъ,
Какъ древле вѣстникъ славы;
Съ его высотъ глядитъ на насъ
Орелъ нашъ двоеглавый;
Бѣгите въ Кремль, и старъ и младъ!
Три гимнахъ лицованья
Обымемся, какъ брата братъ
Объемлетъ въ часъ свиданья...

О, Кремль отеческій, твой прагъ
Лобзаемъ въ умиленьѣ!
Смотрите: на его стѣнахъ
Отчаянное мщенье
Слѣдъ черный впечатлѣло свой.

Нетронутый свидѣтель божества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной...
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ...
Намъ Промысла намѣреніе тайно—
Угадывать я мыслью не дерзаль;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникаль:
„Здѣсь Божій міръ; ничто здѣсь не случайно“!
И вѣрила безтрепетно душа.
Межъ тѣмъ, восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталь;
И тишины исполненъ величавой,
Торжественно державный Кремль стояль...
Москва жива; въ Кремлѣ семья Царя;
Народъ, тѣсняя къ ступенямъ алтаря,
На праздникъ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ божій свѣтъ...
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвы сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!

Новградъ, съ золотомъ полсвѣта,
Ей принеси свободу въ дань,
И рабыня Магомета
Лала въ ноги ей Казань!

И Уралъ ей отперъ горы,
И Сибирь — златое дно;
Русь, забывъ семейны споры,
Зажила съ ней за-одно!

Здѣсь Россія! Съ ней страдала
Въ годы тяжкіе Москва;
Съ ней она и возставала
Къ торжеству отъ торжества!

Съ ней дѣлила скорбь и горе,
И на брань звала сыновъ
Въ дни, когда народовъ море
Выступало изъ береговъ!

Съ края царства и до края
Голосъ славы и молвы:
Русь родная! Русь святая!
Краше нѣтъ твоей Москвы!

Вотъ промчались семь столѣтій
Надъ святой ея главой!

LVII.

МОСКВА. АВГУСТЪ 1856 ГОДА.

Великолѣпенъ видъ ликующей Москвы;
 Расправились ея морщины,
 И блещутъ юностью священныя сѣдины
 Семисотлѣтней головы.
 Въ цвѣтахъ и подъ парчей, подъ празднич-
 ной одеждой,
 Какъ русскихъ городовъ царица хороша!
 И вся молитвою, любовью и надеждой
 Ея проникнута душа.

Одушевленная рѣка, народа волны
 Тѣснясь по улицамъ кипятъ;
 Единой мыслью всѣ, единымъ чувствомъ полны,
 Единымъ пламенемъ горятъ.
 Москва—одна семья на радости семейной,
 И вся святая Русь въ Москвѣ
 Заочно празднуетъ, мечтой благоговѣйной
 Въ ея великомъ торжествѣ.

Заголосилъ Иванъ Великій, — громомъ гря-
нуль;

Въ немъ отозвался гласъ вѣковъ,

И радостно за нимъ со всѣхъ сторонъ вос-
прянуль

Стовзвучный залпъ колоколовъ:

Глашатаи торжество народныхъ и церков-
ныхъ,

Они вѣщаютъ намъ родныя словеса;

Въ созвучіяхъ земныхъ, въ созвучіяхъ ду-
ховныхъ

Люютъ земля и небеса.

Изъ-за кремлевскихъ стѣнъ, изъ древняго
забрала,

Гладятъ богатыри-вѣка:

Ихъ славой доблестной, ихъ язвами вѣнчала

Святаго Промысла рука.

И каждый на челѣ несетъ свой знакъ особый,

И каждый въ свой урочный часъ,

Ко благу вождь, иль бичъ иноплеменной злобы

Страдалъ и бодрствовалъ за насъ...

Великолѣпенъ видъ ликующей Москвы:

И день съ небесъ сіяетъ блескомъ,

И полонъ воздухъ весь струей людскою молвы,

Колоколовъ и пушекъ трескомъ.

Гдѣ-бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ молодого сладострастья
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

1819

А. Пушкинъ.

Напомнимъ при этомъ четверостишіе, прочтенное г. Анненковымъ въ черновой рукописи Пушкина:

„Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей всечасной суетой,
Старинной кухней утощаетъ,
Стерляжьей потчуетъ ухой!“ —

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенною силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ, по предначертанію Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты неоспоримо на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Логодинъ и другіе написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews. Между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ—какъ о музыкѣ, о музыкѣ—какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ нибудь, иногда впадать и

остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ 'холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

LXIII.

ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА.

Вь самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу—на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ—здѣсь слишкомъ тепло, мало холода; переѣхала русская столица въ Москву,—нѣтъ, и тутъ мало холода; подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Что это за виды, что за природа! Воздухъ подернуть туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь Петербургъ! Передъ

стей REMUE-MENAGE и негодующаго удивленія, что часть ея переѣхала за Неву-рѣку съ Москвы-рѣки, что другая часть-вмѣсто красивой бороды—показала голый подбородокъ, вмѣсто русыхъ волосъ—пудренныя пукли. Случалось ей хмурить брови, обижаться всѣми нововведеніями, но соперничать ей въ голову не приходило; она поняла, что время сильныхъ преслѣдованій не только за употребленіе телятины, но даже табака прошло...

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирородная вдова.

Москва помнила, быть можетъ, что и она въ свою очередь была Петербургомъ, что и она была нѣкогда новымъ городомъ, надменно поднявшимъ свою голову надъ старыми городами, опираясь на слабость ихъ и на ордынскую поддержку. Старые города обидѣлись: они хотѣли высокомерно не знать Москвы... Но она шла своимъ путемъ. „Посмотримъ, посмотримъ!“ говорили старые города: „что-то она сдѣлаетъ съ Тверью, какъ-то совладеетъ съ Ясковомъ, какъ-то

сладить съ Новымъ-городомъ!“ Посмотрѣли, увидѣли какъ, да и склонились. Между Москвой и Петербургомъ ничего подобнаго не было. Петербургъ, какъ едукованный юноша, афишировалъ респектъ и атенцію Москвѣ, окружалъ ее знакомъ величайшаго вниманія; а она, какъ добрая русская помѣщица, готовая всѣхъ угостить и послать всякіе гостинцы, любила иногда пожурить Петербургъ такъ, какъ бабушки журятъ внучатъ юнкеровъ, пріѣзжающихъ въ отпускъ,—зачѣмъ трубку курятъ и постныхъ дней не соблюдаютъ... Но пожуривши, Москва отправляла въ Петербургъ свое молодое поколѣніе служить въ гвардію, окружать дворъ; даже литераторы перебрались туда писать и вдохновляться; сердечная связь у этихъ переселенцевъ съ Москвою нисколько не перерывалась: при всякой невзгодѣ, при усталости и грусти вспомнилась родная столица. Мاستитые вельможи и государственные люди пріѣзжали въ Москву отдыхать, провести остатокъ дней своихъ въ величайшемъ покоѣ, повѣствуя жизнь свою и прислушиваясь издали къ быстро несущимся событіямъ непетербургской жизни.

Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги празднои,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ;
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вадохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Среди этихъ мирныхъ и дружныхъ отноше-
ній наступилъ 1812 годъ. Не знаю, былъ ли
Наполеонъ ученикъ Линетти или Каллиостро,
но онъ былъ величайшій фокусникъ въ мірѣ.
Онъ сдѣлалъ сперва изъ г. Мортъе тревиз-
скаго герцога, а потомъ сдѣлалъ тревизскаго
герцога московскимъ военнымъ генераль-гу-
бернаторомъ, а маршала Нея просто москов-
скимъ княземъ. Москва попала съ орфогра-
фическою ошибкою въ бюллетени великой
арміи. Наполеонъ переѣхалъ изъ Тюльри въ
кремлевскій дворецъ. Вся Русь, задерживая
дыханіе, устремила свое вниманіе на Москву,
вся Европа ее вспомнила въ первый разъ
послѣ Маржерета, Лоссевина, Флетчера и дру-
гихъ. Вліяніе ея, утраченное цѣлымъ вѣкомъ,
вполнѣ возстановилось нѣсколькими днями
великаго пожара. Въ добровольномъ несча-
стіи Москвы было что-то захватывающее ду-
шу; она сдѣлалась интересна съ своими об-

къ отечеству, сколько изъ ненависти ко всему, внѣ отечества находящемуся, и тому подобныя правила любви и братства. Храбрые воины, актеры великой эпохи, думали, что достаточно грудью стать противъ непріятели и мужественно отразить его; они не знали, что сверхъ того необходимо день и ночь у себя въ комнатѣ бранить нѣмцевъ и гниющую цивилизацію Европы; эти воины мечтали, что они съ приобрѣтеніемъ образованія не утратили достоинства русскаго. Какой предразсудокъ! Оттого то они и уменьшили славу своихъ побѣдъ кротостью, съ которой они обращались съ побѣжденными. Но извинимъ ихъ,—тогда еще не были брошены въ судьбы всемирной исторіи изслѣдованія о происхожденіи Руси, тогда пѣлъ суетный Лушкинъ, который въ своей поэтической распущенности бросилъ по нѣскольку стиховъ Петербургу и Москвѣ, въ которыхъ оба города дивно отразились, но зачѣмъ же не одинъ?

Довольно впрочемъ о важныхъ матеріалахъ; займемтесь лучше маленькими различіями петербургскихъ и московскихъ нравовъ—это гораздо веселѣе и не такъ сильно потрясаетъ нервы, какъ маячныя теоріи. Въ

на полдорогѣ, въ Москвѣ изъ ума выживаешь; въ Петербургѣ исхудаешь, въ Москвѣ растолстѣешь, совершенно противоположное міросозерцаніе.

Москвичъ любитъ отъ души Москву, нигдѣ не можетъ жить, какъ въ Москвѣ; ему неловко въ Петербургѣ, онъ всюду опаздываетъ, онъ чувствуетъ себя тамъ не дома: и квартиры тѣсны, и лѣстницы высоки, и обѣдаютъ поздно, и Кремля нѣтъ, и икра паюсная хуже... Но, возвратясь въ Москву, онъ начинаетъ хвастать Петербургомъ, онъ показываетъ въ образецъ фракъ, сшитый на Невскомъ; подражаетъ петербургскимъ модамъ, приказываетъ людямъ изъ домашняго сукна сшить штiblеты съ оловянными пуговками; привозитъ бездну ненужныхъ вещей, сдѣланныхъ въ Москвѣ и увѣряетъ, что такихъ въ Москвѣ ни за какія деньги не найдешь. Петербуржець—не такъ сильно страдаетъ тоскою по родинѣ; онъ вообще привыхъ себя считать выше тоски; но въ Москвѣ на все смотреть свысока; на низкіе дома, на тусклые фонари, на узкіе тротуары—и ни за что въ свѣтѣ не сознается, что въ Дрезденѣ нумера лучше, нежели въ петербургскихъ гостинницахъ, и что у Шевалье

рости, а изъ уваженія къ собственному достоинству; петербуржець катится въ маленькой колясочкѣ вдвое быстрѣй москвича. Москвичъ любитъ внѣшніе знаки отличія и церемоніи, петербуржець предпочитаетъ мѣсто и матеріальныя выгоды. Москвичъ любитъ аристократическія связи,—петербуржець связи съ должностными людьми. Въ Москвѣ до сихъ поръ всякаго иностранца принимаютъ за великаго человѣка,—въ Петербургѣ каждаго великаго человѣка за иностранца: тамъ долго никто не вѣрилъ, что Брюловъ—русскій. Другихъ иностранцевъ, собственно, въ Петербургѣ и нѣтъ; тамъ такъ много иностранцевъ, что они сдѣлались туземцами. Одна изъ отличительныхъ чертъ Петербурга отъ прочихъ новыхъ городовъ всей Европы состоитъ въ томъ, что онъ на всѣ похожъ, тогда какъ Москва ни на какою не похожа—ни въ Европѣ, ни въ Азіи.

LXV.

МОСКВА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

(Изъ записокъ А. И. Г.)

Я зналъ одну молодую Москву, литературно-свѣтскую, и говорю только объ ней. Что прозябало и жило между старцами пера и меча, дожидавшимися своихъ похоронъ по рангу, и ихъ сыновьями или внучатами, не искавшими никакаго ранга и занимавшимися „книжками и мыслями“,—я не зналъ и не хотѣлъ знать. Промежуточная среда эта была безцвѣтна и пошла, безъ екатерининской оригинальности, безъ отваги и удали людей 1812 года, безъ нашихъ стремленій и интересовъ. Говоря о московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ декабристы давали тонъ, гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ф. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что

ская, чѣмъ городская, только господскіе дома близко другъ отъ друга.

Въ ней не приходитъ все къ одному знаменателю,—а живутъ себѣ образцы разныхъ временъ, образованій, слоевъ, широтъ и долготъ русскихъ. Въ ней Ларины и Фамусовы спокойно оканчиваютъ своей вѣкъ; но не только они, а и Владиміръ Ленскій и нашъ чудакъ Чацкій—Онѣгиныхъ было даже слишкомъ много. Малозанятые, всѣ они жили не торопясь, безъ особыхъ заботъ, спустя рукава. Помѣщичья распушенность, признаться сказать, намъ по душѣ; въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада. Подобострастный кліентизмъ, о которомъ говоритъ дѣвица Уильмотъ въ запискахъ Дашковой и который я самъ еще засталъ—въ тѣхъ кругахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не существовалъ. Хоръ этого общества былъ составленъ изъ неслужащихъ помѣщиковъ или служащихъ не для себя, а для успокоенія родственниковъ, людей достаточныхъ, изъ молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. Въ этомъ обществѣ была та свобода неустоявшихся отношеній и неприведенныхъ въ косный порядокъ обычаевъ, которой нѣтъ въ старой

Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади;
Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій
У каждаго патриція въ груди.
Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ
Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ:
Въ послѣдней ли войнѣ, въ вопросѣ ли кре-
стьянскомъ—

Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ.

Ты знаешь градъ? Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ;
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи—
Отвсюду вѣетъ чисто-русскій духъ.
Все взоры веселить, все сердце умиляетъ,
На выпренній настраиваетъ ладъ—
Царь-колоколъ лежитъ, царь пушка не стрѣ-
ляетъ—

И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ.

Волшебный градъ! Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность
Тамъ принялись науки сѣмена,
Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность

Что комара не примуть за слона.
 Тамъ, не въ примѣръ столицѣ нашей Невской,
 Подмѣтятъ все, оцѣнятъ, разберутъ:
 Анаемѣ тамъ преданъ — и,
 И Коцорева умъ нашель себѣ приютъ!
 Правдивый градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
 Мудреный градъ! По приговору сейма,
 Тамъ судятся и люди и статьи;
 Ученый Бабстъ стихами Розенгейма
 Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои;
 Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары:
 Ужъ точно ли не нужно съчь дѣтей;
 Тамъ въ Хомяковѣ чехи и мадьяры
 Нашли пѣвца народности своей.
 Мудреный градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!
 Разумный градъ! Тамъ Лавловъ Соллогуба,
 Байборода Крылова обличилъ,
 Тамъ *** былъ пораженъ сугубо,
 Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ.
 Тамъ, что ни мужъ, то жаркій другъ прогресса;
 И лишь не вдругъ могли уразумѣть:
 Что на пути къ нему вѣрнѣе—пресса
 Или умно направленная плеть?
 Разумный градъ! Туда, туда съ тобой
 Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

LXXV.

КЛУБЪ МОСКОВСКІЙ.

Начинаю. Москва. День субботній.
(Петербургъ не лишень ѣдоковъ,
Но въ Москвѣ грандіознѣй, животнѣй
Этотъ типъ). Среди полныхъ столовъ,
Вотъ рядкомъ старики объѣдали:
Въ пятеромъ имъ четыреста лѣтъ,
Видъ ихъ важенъ, чины ихъ немалы,
Толщиною же равныхъ имъ нѣтъ.
Раздражаясь изъ каждой бездѣлки,
Лорицаютъ неловкость слуги,
И отъ жадности, вмѣсто тарелки,
На салфетку валяютъ пироги;
Шевелясь, какъ осеннія мухи,
Льютъ, роңяютъ, — безпамятны, глухи;
Взоръ ихъ медленъ, безцвѣтенъ и тупъ.
Скушавъ супъ, старина засыпаетъ
И, проснувшись, слугу вопрошаетъ:
„Человѣкъ! подавалъ ты мнѣ супъ?..“

LXXVI.

ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

(изъ челяковскаго).

То не ливень шелъ, то не градъ упалъ,
А въ поляхъ большихъ полегли хлѣба,
И залитые, и побитые:
Подъ Москвой святой, подъ родимою,
На равнинахъ ли, на печальныхъ тамъ
Много храбраго войска русскаго,
Много воинства и французскаго
Ко сырой землѣ клонить голову—
Переколото, перебитое
Саблей острою, боевымъ штыкомъ,
Градомъ пламеннымъ изъ картечь и пуль.

Дѣти вѣрныя родной матери,
Вы защитники милой родины,
Вы заступники царя добраго!
Какъ за ту любовь и за преданность,
И за вашъ животъ, принесенный въ дань,

Совершили мы панихиду вамъ,
Какой свѣтъ еще и не видывалъ,
Можетъ быть, еще и не слыхивалъ!

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу
И поставили въ храмъ Божіемъ,—
Лишь одну свѣчу—Москву матушку...
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ—къ посрамленію.

М. П—ii.

LXXVIII.

МОСКВА.

(изъ сундечича).

Плачетъ мать—Москва святая—
Врагъ на грудь ей наступилъ:
Бородинскій бой кровавый
Къ ней дорогу проложилъ.

Вотъ Москва уже пылаетъ!
Смотрить царь изъ-за Кремля,
Какъ все рушится, все гибнетъ,
Чѣмъ горда его земля.

Нѣтъ Москвы, его столицы,
Но спасенъ его народъ,
Но спасенъ отъ униженья
Всѣхъ славянъ могучій родъ!

И Москва опять воскресла
Въ сто разъ краше, чѣмъ была...
О, когда-бъ ты все славянство
Дивнымъ свѣтомъ облила!

Н. Тербель.

Все, чему Кирилль-Мееодій
Заставляли насъ учиться.

Тамъ почиють всѣ надежды:
Такъ славянская держава,
Что растетъ, на зависть міру,
И грозна, и величава.

А въ Кремлѣ Иванъ Великій
Громко вѣрныхъ призываетъ
И слова такія въ храмѣ
Повторять ихъ научаетъ:

„Слава матушкѣ-столицѣ,
Что при заревѣ пожара
Сокрушила гордость злую
Ненавистнаго корсара!

„Слава царству молодому!
Слава свѣта властелину!
Слава мудрому монарху,
Слава доблестному сыну!“

О, Москва! къ тебѣ съ надеждой
Братья руки простирають:
Съ нею южные славяне
И живутъ, и умирають.

LXXX.

ПРИВѢТЪ МОСКВѢ.

(изъ субботы).

Златоглавый городъ,
Мать-Москва родная!
Слышишь?—это голосъ
Съ береговъ Дуная!

Голосъ дальней Шары
И Коссова поля,
Что къ тебѣ несется,
Матушка, оттоля!

Древности далекой
Доблестное чадо,
Всѣмъ ты, всѣмъ славянамъ
Радость и отрада!

Городъ вѣчно юный,
Дорогой и милой,

Примѣч. Въ этомъ собраніи пословицъ приведены не только тѣ, которыя прямо относятся къ Москвѣ, но и тѣ, въ которыхъ она, по какому бы то ни было поводу, упоминается. Если въ первыхъ выражается характеристика ея, то въ послѣднихъ видна близость ея къ многимъ житейскимъ обстоятельствамъ или просто всенародная извѣстность, а это тоже, въ своемъ родѣ, характерно. Ко многимъ историческимъ пословицамъ приложены объясненія.

Въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму татары, въ Москвѣ бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки.

Здѣсь прежде живали царскіе послы, а нынче мы (или: вы) ослы (о посольскомъ по дворѣ въ Москвѣ).

На Крестцѣ не стрѣльцамъ сборъ.

Къ Варварѣ на расправу (старинный застѣнокъ для пытки).

Московская волокита (проволочка въ судѣ).
Правда у Петра и Павла (гдѣ былъ застѣнокъ).
Правда къ Петру и Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла.

Пришла правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенія въ Кадошахъ (намекъ на московскаго голову въ 1845 году—Шестова).

У Андропова шапка на Москвѣ не теряется.
Живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала (старинная поговорка уральскихъ казаковъ).

Москва отъ искры загорѣлась.

Отъ копѣчной свѣчи Москва загоралась (въ 1443 году Москва загорѣлась отъ свѣчи церковной св. Никола на Лескахъ, а въ 1737 г. отъ свѣчи въ домѣ Милославскаго).
Есть народная пѣсня, въ которой вспоминается и третій пожаръ:

Въ Москвѣ недорода хлѣбу не бываетъ.
Москва людна и хлѣбна.
Была бы догадка, а на Москвѣ денегъ кадка.
Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не
молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.
Не видала Москва таракана! Эка невидаль,
что каша ѣстся (равносильныя поговорки).
Московская грязь не марается.
Москва что доска,—спать широко, да кругомъ мететь.
Въ Москвѣ деньги беречь, себя не стеречь.
Не хвались въ Москву, а хвались изъ Москвы.
Москва кому мать, кому мачиха.
Въ Москву идти—голову нести.
Въ Москву брестъ—последнюю копѣйку несть.
Въ Москвѣ даромъ ничего не даютъ.
Въ Москву иттить—только деньги добыть.
Москва—царство, а наша деревня рай.
Деревня родима краше Москвы.
Хороша Москва, да не дома.
Нашъ городокъ—Москвы уголокъ.
Наша околица краше Москвы.
Хорошо Хорошево да не наше, царевое (дворцовое село).
Нашъ Лахомъ съ Москвой знакомъ.
Пошелъ на Москву торговать—на погорѣлое собирать.